O 10/1038

О 10/1038

ТРИ
СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСА

О воспитаніи—соціализмъ, коммунизмъ и нигилизмъ—О дворянствѣ по поводу столѣтія дворянской грамоты.

Соч. А. Клеванова.

КІЕВЪ
Тип. Петра Барскаго, уг., Софійск. и Мало-Житомірской ул., д. Кобца № 10.
1885

16081

КАТАЛОГЪ
ПЕЧАТНЫХЪ ТРУДОВЪ
А. С. КЛЕВАНОВА.

Переводы съ латинскаго: 1) Тита—Ливія, исторія народа римскаго пять томовъ (перваго тома въ продажѣ нѣтъ); цѣна за всѣ пять томовъ 10 руб.

2) Сочиненія Саллюстія всѣ, какія до насъ дошли, съ приложеніемъ перевода четырехъ рѣчей Цицерона противъ Катилины цѣна 2 руб.

3) Сочиненіе Тацита всѣ, какія до насъ дошли, два большихъ тома цѣна 3 руб.

4) Сочиненія Юлія Цезаря всѣ, какія до насъ дошли, съ приложеніемъ жизнеописанія Юлія Цезаря, составленнаго Светоніемъ и рѣчи Цицерона противъ Марцелла, цѣна 3 руб.

5) Сочиненія Овидія всѣ, какія до насъ дошли въ трехъ томахъ, цѣна 5 руб.

6) Корнелія—Непота, жизнеописаніе людей древности, цѣна 1 руб. 50 коп.

7) Лукреція, поэма: „О природѣ вещей", цѣна 2 руб.

8) Цицерона избранныя рѣчи (12) а именно: За Милона, за Маниліевъ законъ, за Росція Америна, за Мурену, за Планка, за Рабирія и др., цѣна 2 руб.

9) Цицерона: „Объ обязанностяхъ", цѣна руб.

10) Съ Греческаго: „Философскія бѣсѣды Платона" (Евтифронъ, апологія Сократа, Критонъ, Федонъ), цѣна 2 руб.

11) „Обозрѣніе философскихъ дѣятельностей Платона и Сократа", разсужденіе; составленное по целлеру, цѣна 2 руб.

12) Разсказы Римской исторіи V вѣка, сочиненіе Тьерри, переводъ съ французскаго, цѣна 2 руб. 50 коп.

13) Аделунга, обозрѣніе всѣхъ иностранныхъ путешествій по россіи до Петра Великаго, переводъ съ нѣмецкаго цѣна 3 руб.

О 10/1038

ТРИ
СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСА

О воспитаніи—соціализмъ, коммунизмъ и нигилизмъ—
о дворянствѣ по поводу столѣтія дворянской грамоты.

Соч. А. Клеванова.

БИБЛІОТЕКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ РАЗНОСЛЕДЖ.
ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
ф.32-1523

КІЕВЪ
Тип. Петра Барскаго. Уг., Софійск. и Мало-Житомірской ул. д. Кобца № 10.
1885 г.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 28 Апрѣля 1885 г.

2007051038

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Двѣ русскія пословицы „охота смертная, да участь горькая“ и „повадится кувшинъ поводу ходить, тамъ ему и голову сложить“ вполнѣ относящіяся къ моему сочинительству. Съ дѣтства непреодолимая охота высказываться, заявить какъ—нибудь себя и свои мысли; на дѣлѣ же оказывается очень мало толку изъ всего этого старанія. Издано много до 30 томъ.—большихъ и малыхъ, переводовъ и сочиненій; но изданіе это не только не принесло мнѣ никакой выгоды, но я потратилъ на него тысячъ до пятнадцати своихъ денегъ, когда они были. Приходилось терпѣть и непріятности; а все неисправимъ до гробовой доски. Отъ письменныхъ занятій и исправленія корректуръ зрѣніе давно становилось слабымъ, но я продолжалъ заниматься и дождался до того, что не могу теперь отличить листъ печатной бумаги отъ листа совершенно бѣлой, т. е., говоря проще, ослѣпъ и вслѣдствіе этого, конечно уволенъ отъ должности учителя Немировской гимназіи и дожидаюсь пенсіи. Вѣдь ужъ, кажется, довольно наказанъ за излишнюю и непрошенную дѣятельность, но не могу совладать самъ съ собою; мысли такъ и просятся наружу, а ужъ пригодятся ли они кому-нибудь—это ужъ не мое—дѣло судить. Но мысли такъ и остались бы мыслями и не перешли

бы на бумагу, если бы не нашелся одинъ человѣкъ, который самъ вызвался передать эти мысли своимъ перомъ бумагѣ и такимъ образомъ далъ возможность имъ (если только будутъ средства явиться въ свѣтъ).

Клевановъ.

КІЕВЪ
1885 года
6-го Апрѣля.

МЫСЛИ

объ образованіи въ Россіи.

Никогда еще въ теченіи вѣковъ не толковали такъ много о необходимости образованія, какъ теперь, и никогда стремленіе къ образованію не было такъ сильно у насъ, какъ теперь. Къ сожалѣнію это отрадное повидимому явленіе сопровождается послѣдствіями иногда очень печальными, а именно образованіе само по себѣ уже не представляетъ, какъ прежде, вѣрныхъ средствъ къ жизни и не можетъ одно обезпечить существованіе человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что борьба за существованіе, или за насущный кусокъ хлѣба становится съ каждымъ днемъ все ожесточеннѣе, и это необходимо и понятно; экономическія и матеріальныя средства народа не увеличиваются въ томъ размѣрѣ, въ какомъ растетъ численность его по закону естественнаго размноженія. Всѣ отрасли занятій переполнены соискателями; на каждое мѣсто, на каждую должность являются десятки конкурентовъ; но такъ еще недавне время, когда нуждались въ образованіи, когда лучшимъ обезпеченіемъ въ безбѣдномъ существованіи было именно образованіе. Теперь это стало совершенно не такъ: предложеніе умственнаго труда превышаетъ далеко его требованіе. Не смотря на то, что тысячи молодыхъ образованныхъ людей остаются безъ мѣста, соотвѣтствующихъ степени ихъ знаній, съ каждымъ годомъ число стремящихся къ образованію, какъ средству къ жизни, все растетъ и растетъ и въ такой пропорціи, что существующее количество учебныхъ заведеній оказывается весьма малымъ и не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Здѣсь укажемъ на разницу между образованіемъ собственно (когда человѣкъ желаетъ учиться собственно только для пріобрѣтенія свѣдѣній необходимыхъ въ жизни и остается вѣренъ средѣ, въ какой родился и роду занятій указанныхъ ему судьбою или родителями)—и образованіемъ, какъ средствомъ къ жизни. Въ первомъ случаѣ образованіе желательно для всѣхъ и каждаго, во

второмъ же оно должно быть даваемо соразмѣрно существующей потребности; иначе оно является не благодѣяніемъ, а напротивъ приноситъ самому получившему его болѣе зла чѣмъ пользы. Оно отрываетъ человѣка отъ простаго, можетъ быть, и грубаго рода занятій, но такихъ, которыя обизпечивали ему жизнь и по окончаніи ученія, стоившаго ему много трудовъ и лишеній, не указываютъ ему мѣста на пиру земномъ, озлобляютъ его, заставляютъ бороться за кусокъ хлѣба также точно, какъ будто онъ и не получалъ этого для него неблагодарнаго образованія. Такъ растетъ умственный пролетаріатъ и не можетъ онъ не жить въ разладѣ съ тѣмъ самымъ обществомъ, которое смотритъ на него, как на собраніе людей не только лишнихъ, но даже опасныхъ. Весьма похвально, то что многіе благотворительные люди и само государство устраиваютъ стипендіи для недостаточныхъ молодыхъ людей, чтобы они получили образованіе; но еще желательнѣе было бы, чтобы забота общества государства относительно этихъ молодыхъ людей не ограничивалось только стѣнами учебныхъ заведеній; а то именно по выходѣ изъ нихъ начинается самая тяжелая борьба съ жизнію за кусокъ хлѣба,— борьба, которая оканчивается часто очень печально. Многіе родители стараясь и при недостаточности своихъ средствъ дать образованіе своимъ дѣтямъ для обезпеченія ихъ будущности, тратятъ на нихъ часто послѣднее; но это образованіе, полученное съ такимъ трудомъ, дѣлается именно не хлѣбомъ, а камнемъ, о которомъ упоминается въ Евангеніи. Мнимое равенство, о которомъ такъ хлопотали люди, легко увлекающіеся призрачными теоріями, не въ натурѣ человѣка. Мы видимъ, что каждый человѣкъ простаго званія, съ горечью помирившись для себя съ необходимостію своего положенія, только и мѣчтаетъ о счастьи для своего сына быть *панычемъ*, а дочери—*барышней* и, отказывая себѣ во многомъ, отдаетъ сына въ гимназію, а дочь— въ гимназію или прогимназію, съ восторгомъ любуясь на нихъ, когда они возвращаются изъ училища. Мнѣ случилось знать одного сторожа гимназіи, который получалъ десять рублей жалованья въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи, таскалъ воду, рубилъ дрова, чистилъ полы и т. п.; имѣетъ онъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, но тѣ такъ и остаются въ черномъ тѣлѣ, а одну дочку

онъ помѣстилъ какимъ то путемъ въ прогимназію, гдѣ ее уже кое-какъ дотянули до 4-го класса. Отецъ смотритъ на нее съ подобострастіемъ и говоритъ уже ей *вы*, какъ совершенно посторонней и она сама смотритъ на себя, вполнѣ какъ на барышню, а на мать, какъ на работницу, нисколько не помогая ей по дому. Да и ученіе далось ей очень плохо; сознательно расказать урокъ совершенно не можетъ, а вызубритъ его на-изустъ и отзвонитъ его съ начала до конца безъ запинки; но если только вы ее перебьете или сдѣлаете ей вопросы, она станетъ въ тупикъ и уже больше отъ нея ничего недобьешься. Это будущая народная учительница; ну какая же будетъ от нея польза? и стоитъ ли она тѣхъ жертвъ, которыя принесли для обученія ея родители и общество (отъ котораго она получаетъ и плату за ученіе, и одежду, и книги). Много такихъ субьектовъ бываетъ и среди мальчиковъ, но ослѣпленные любовью родители не понимаютъ того, что они, давая такъ искусственно образованіе своимъ дѣтямъ, часто къ нему неспособнымъ, оказываютъ въ сущности имъ и себѣ плохую услугу. Есть еще причина, почему за послѣдніе годы число стремящихся въ учебныя заведенія страшно увеличилось. Это—желаніе уклониться отъ военной службы или получить болѣе или менѣе значительныя льготы по ней. Признаемся, что мы не понимаемъ, почему образованіе, признанное всѣми такъ необходимымъ для военной службы, является средствомъ уклониться отъ нея; такимъ образомъ элементъ образованія сильно ослабленъ въ самомъ войскѣ, такъ какъ онъ почти весь удаленъ въ запасъ арміи Вообще мы иногда забываемъ чрезвычайно вѣрную пословицу древнихъ: „учимся не для школы, но для жизни“ (non scholae sed vitae discimus); что ученіе не можетъ продолжаться дальше извѣстныхъ лѣтъ, что есть самою природою назначенное время для ученія и таковое же для жизни, когда уже ученіе на умъ нейдетъ, и потому у насъ образовался цѣлый классъ молодыхъ людей, которые ни сколько не спѣшатъ окончить курсъ и готовы всю жизнь оставаться учащимися, перемѣнивъ нерѣдко нѣсколько гимназій и 20-и лѣтъ отъ роду едва достигнувъ пятаго класса. Впрочемъ начальствомъ приняты противъ этого нѣкоторыя мѣры. Вообще образованіе тогда только полѣзно когда оно удовлетворяетъ самостоятельную

потребность знанія, а не является средствомъ искуственной потребности болѣе высокаго общественнаго положенія или средствомъ уклоненія отъ отправленія воинской повинности или сокращенія сроковъ ея. Теорія часто расходится на дѣлѣ съ практикою и хотя безспорно прекрасна мысль, что каждый молодой человѣкъ долженъ защищать свое отечество, но на дѣлѣ выходитъ не то: бываютъ случаи, когда человѣкъ, отрываясь отъ своего рода занятій для отправленія воинской повинности, теряетъ на всегда свое будущее; да и что бы потеряло государство, если бы человѣкъ, который по роду своихъ занятій не можетъ безъ разстройства своихъ дѣлъ отправлять военную службу, поставилъ бы въ замѣнъ себя другаго человѣка, который охотою пошелъ бы за него. Это практикуется въ Германіи, да и у насъ было бы въ высшей степени полезно, потому, что есть много молодыхъ людей, которые безъ занятій и вѣрнаго куска хлѣба охотно бы замѣнили сами тѣхъ, которые имѣютъ вѣрный приборъ на пиру земномъ. Чтобы правильно и безъ предразсудка взглянуть на образованіе, обратимся къ самому началу его, т. е. къ древнимъ грекамъ, у которыхъ началась *школа*. Это слово греческаго— σκολή, что значитъ въ русскомъ переводѣ—какъ бы вы думали— праздность, свободное время, досугъ. Что же общаго между такимъ понятіемъ о школѣ, какъ о мѣстѣ болѣе или менѣе принужденнаго ученія? У древнихъ грековъ не было, какъ теперь, множества учебниковъ, книгъ и т. п.; пріобрѣтать свѣдѣнія можно было только путемъ бесѣды съ людьми много пожившими, много испытавшими, много мыслившими и много видѣвшими (странствовавшими). Около такихъ-то мудрецовъ, какъ ихъ называла древняя Греція, собирались молодые люди, слушали ихъ расказы и совѣты, спрашивали ихъ о томъ, что ихъ интересовало, путемъ разговара или состязанія выработывали полное мнѣніе о какомъ-нибудь вопросѣ. Такова была дѣятельность Сократа, Платона и другихъ любителей мудрости. Первоначально это совершалось совершенно даромъ, т. е. безъ всякаго вознагражденія для мудреца, который даже считалъ постыднымъ брать деньги за проповѣдь истины, которая необходима духовной сторонѣ человѣка, какъ воздухъ для его тѣлеснаго дыханія. Принужденнаго въ этомъ своеобразномъ пріобрѣтеніи знаній не было ничего:

молодой человѣкъ ходилъ за мудрецомъ и слушалъ его, пока у него было на то желаніе, но для этого ему главнымъ образомъ необходимъ былъ досугъ, свободное время; а для того, чтобы имѣть этотъ самый досугъ онъ долженъ былъ быть обезпеченнымъ въ средствахъ къ жизни. Кому нужно было трудиться для добыванія насущнаго куска хлѣба, тому нѣкогда было расхаживать за философами и выслушивать ихъ мнѣнія. Такимъ образомъ, въ древней Греціи, колыбели истиннаго образованія, стремились къ высшему образованію только тѣ, которые 1) имѣли внутреннее призваніе къ ученію, непреодолимую, безотчетную любознательность и 2) были обезпечены въ средствахъ къ жизни и потому всецѣло могли предаваться умственной дѣятельности. Потому-то образованіе въ Греціи и дало такіе блистательные плоды, что оно было естественно, что принужденнаго, искуственнаго, напускнаго въ немъ ничего не было. Были другіе у грековъ мѣста для ученія—общія всѣмъ; то были *гимназіи*. Но тѣ гимназіи у древнихъ грековъ также мало походили на наши теперешнія гимназіи, какъ ихъ вольныя, подобно птичкѣ небесной, школы не походили на наши университеты. Слово гимназія даже неприлично въ русскомъ переводѣ,—особенно относительно женскихъ этого рода, учрежденій: γυμνός *значитъ голый*, а γυμνάζω —мѣсто, гдѣ упражнялись голые въ томъ, что мы называемъ *гимнастикой*. Молодые греки сбрасывали съ себя и ту легкую одежду, которая едва ихъ прикрывала, намазывали голое тѣло елеемъ или масличнымъ масломъ, боролись, бѣгали въ запуски и т. п. Однимъ словомъ главная забота ихъ была о тѣлесномъ здоровьи; при этомъ разучивали стихи Гомера. Это образованіе, доступное каждому греку. Между тѣмъ какъ высшаго образованія достигали только желающіе и имѣвшіе на то средства. Вотъ трезвый и здравый взглядъ людей, у которыхъ и началось истинное образованіе. И у насъ образованіе могло бы быть величайшимъ благомъ для народа, если бы оно являлось только, какъ удовлетвореніе его естественной потребности и было бы распространяемо осторожно, благоразумно и въ той мѣрѣ, сколько это нужно для него примѣнительно къ его жизни, и нужно твердо помнить истинну древнѣйшаго преданія человѣчества, что древо познанія не есть древо жизни. Образованіе не должно

ЛЕНИНА

быть навязываемо насильно, а должно быть удовлетвореніемъ потребности, явившейся само собою, и въ той мѣрѣ, насколько потребность эта высказывается сознательно и разумно. Потребности жизни матеріальной должны быть удовлетворены прежде всего; не до ученія, когда ѣсть нечего; только при извѣстной степени довольства является потребность жизни умственной.

Ученіе—русскій человѣкъ понимаетъ и долженъ понимать чисто практически по мѣрѣ приносимой ему непосредственно пользы. Наши учебныя заведенія должны быть устроены примѣнительно къ этой истинѣ, въ особенности первоначальныя школы, гдѣ преимущественно должны быть преподаваемы тѣ знанія, которыя найдутъ себѣ примѣненія въ послѣдующей жизни ученика, какъ гражданина,—будетъ ли онъ житель села или города. Ученіе и въ первоначальныхъ школахъ должно быть законченное, доставлять полный кругъ свѣдѣній, какія нужны въ простомъ быту. Первыми природными и главными учителями народа должны быть священники какъ сельскіе такъ и городскіе, и первоначальное обученіе должно быть въ рукахъ батюшекъ или отцовъ, какъ народъ ихъ умилительно называетъ въ своей простотѣ. А для того, чтобы священникъ могъ вполнѣ заслуживать это высокое названіе отца своей паствы, необходимо улучшить собственный ихъ бытъ. Большинство сельскаго и даже городскаго духовенства находится подъ гнетомъ самой тяжкой бѣдности. Оно живетъ, если можно такъ выразиться, милостынею своихъ прихожанъ и потому находится въ полной отъ нихъ зависимости. Нѣкоторые изъ духовенства достигаютъ извѣстной степени благосостоянія при помощи занятій, не совсѣмъ соотвѣтствующихъ ихъ высокому призванію, а именно земледѣліемъ, скотоводствомъ и даже торговлею. Слѣдовало бы обезпечить бытъ духовенства настолько, чтобы оно не имѣло надобности прибѣгать къ постороннимъ средствамъ для улучшенія своего быта. Кому же слѣдуетъ быть руководителями и наставниками народа, какъ не его духовнымъ отцамъ священникамъ? Эту истинну поняло правительство и осуществляетъ ее теперь устройствомъ сельско-приходскихъ школъ. То, что первоначальныя школы должны сообщать главнымъ образомъ свѣдѣнія, нужныя въ быту учащихся, осуществляется заведеніемъ ремесленныхъ или профессіональныхъ

школъ. Конечно, это еще только начало, но всего вдругъ сдѣлать невозможно; достаточно вступить на истинный путь и не совращаться съ него.

Гимназіи наши далеко неудовлетворяютъ потребностямъ общества и представляютъ что-то недоконченое, недовершенное. Хотя по окончаніи полнаго восьмилѣтняго курса гимназистъ и получаетъ аттестатъ зрѣлости, но въ сущности пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія въ жизни практической на столько не состоятельны и безполезны, что онъ является безпомощнымъ существомъ, если его вызовутъ въ камеру мироваго судьи; онъ не знаетъ совершенно самыхъ первыхъ началъ отечественнаго законодательства Многому, весьма многому онъ учился и выучился, но все это остается безъ примѣненія къ жизни: на словахъ-то онъ можетъ пересозидать общество, сочинять новыя соціальныя теоріи, а на дѣлѣ, за какое бы дѣло ни взялся, приходится переучиваться. Въ примѣръ шаткости сужденій этихъ будто бы зрѣлыхъ людей приведемъ слова одного гимназиста восьмаго класса, который говоря о Швейцаріи, выразился такъ, что „это республиканскій островокъ на монархическомъ морѣ Европы“ И съ какимъ самодовольствомъ онъ это сказалъ, воображая, что онъ высказалъ великую мысль, а по смѣлости выраженія доблесть Въ сущности же онъ сказалъ совершенную нелѣпость: во первыхъ, и Франція—также республика и при томъ въ 15-ть разъ превышающая пространствомъ Швейцарію; во вторыхъ, Швейцарія не представляетъ ничего идеальнаго и хотя тамъ всѣ жители грамотные, но она не произвела ни одного таланта въ какомъ нибудь отношеніи,—таланта, который бы могъ заслужить европейскую извѣстность. Потомки Вильгельма Теля живутъ подачками богатыхъ европейцевъ, которые ради красивыхъ горъ, озеръ и луговъ Швейцаріи привозятъ ей свою лѣнь и золото. Посадите же такого зрѣлаго гимназиста въ контору, въ канцелярію присутственнаго мѣста или завѣдывать даже имѣніемъ (если оно у него есть), то онъ окажется совсѣмъ несостоятельнымъ съ своими глубокими (быть можетъ) теоретическими познаніями. Въ гимназіяхъ теперь восемь классовъ, кромѣ приготовительнаго; прежде же было семь и ученіе прямо начиналось съ перваго класса; въ приготовительномъ не признавалось надоб-

ности. По моему убѣжденію, основанному на опытѣ, безъ приготовительныхъ классовъ можно и теперь легко обойтись. Дѣло въ томъ, чтобы ученики узнали многое, что имъ необходимо, но съ возможно большимъ выигрышемъ времени; если времени у насъ такъ много, что мы не считаемъ его какъ американцы и англичане, за деньги, то надобно принимать въ расчетъ и вниманіе и любознательность учащихся. Дитя, начиная жить сознательною жизнію и окинувъ разумными глазками все окружающее, дышитъ любопытствомъ узнать все, какъ можно скорѣе; это— почва земли весною, которая такъ и жаждетъ сѣмянъ для обильной жатвы. Между тѣмъ въ приготовительномъ классѣ онъ проводитъ цѣлый годъ, получая самыя гомеопатическія порціи знанія. Объяснимъ подробнѣе: сколько намъ извѣстно, по программѣ требуется для поступленія въ первый классъ уменье читать и писать, знаніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ молитвъ и праздниковъ съ объясненіемъ ихъ и простое вычисленіе цифръ до ста,—вотъ все, что должно проходиться въ приготовительномъ классѣ и быть растянуто на цѣлый годъ, а въ нѣкоторых гимназіяхъ уже съумѣли сдѣлать изъ приготовительнаго класса два отдѣленія—младшее и старшее. Такимъ образомъ ребенку приходится на узнаніе вышеизложеннаго требованія программы употребить два года. Кромѣ того, уже теперь требуютъ для поступленія въ приготовительный классъ уменье читать и писать, знаніе молитвъ и цифръ, т. е. почти всего того, что по программѣ нужно для перваго класса; поступить же прамо въ первый класъ ребенку почти невозможно за неимѣніемъ вакансій или малымъ ихъ количествомъ. Въ прошломъ году, напримѣръ въ одной гимназіи было три вакансіи въ первомъ классѣ, а прошеній подано болѣе семидесяти; въ такомъ случаѣ родителямъ и остается, чтобы дѣтямъ доставить гимназическое образованіе, отдавать ихъ, приготовленыхъ въ первый классъ, въ приготовительный классъ. Понятно, что ребенокъ, зная уже все то, для выученія чего назначенъ приготовительный классъ, ненаходитъ никакого удовлетворенія своей любознательсти, скучаетъ, ослабѣваетъ вниманіемъ и уже и по переходѣ въ первый классъ становится слабымъ ученикомъ. Въ ребенкѣ надо поддерживать и питать священный огонь любознательности, давая ей умственную пищу; а разъ огонь погаснетъ, то раздуть его ужъ очень

трудно. А ученіе въ первыхъ двухъ классахъ страдаетъ именно этою сухостью, такъ какъ изъ интересныхъ для ребенка предметовъ можно назвать только одну Географію, потому что съ вѣтхозавѣтной исторіей церкви его знакомятъ уже въ приготовительномъ классѣ, а остальное—изученіе сухихъ грамматическихъ формъ и цифръ, которое ничего не говоритъ душѣ ребенка. Мы рѣшительно не понимаемъ, для чего необходимо обдать сразу ребенка такимъ количествомъ латыни (въ 1-м классѣ 7 уроковъ въ недѣлю); намъ кажется, что она не потеряла бы ничего, а напротивъ выиграла бы, если бы для нее назначить три часа въ недѣлю; а оставшіеся четыре часа съ гораздо большею пользою для ребенка могутъ быть употреблены два на исторію въ расказахъ, интересную для ребенка, приготовляющихъ его къ болѣе серьезному изученію исторіи впослѣдствіи,—и два на изученіе миѳологіи въ видѣ басень, изученіе которыхъ необходимо при чтеніи гречкихъ и латинскихъ писетелей; и тутъ можетъ быть пріобрѣтено учениками заблаговременно, можно сказать, въ видѣ шутки. Относительно преподаванія другихъ предметовъ въ гимназіяхъ, для того, чтобы сдѣлать дѣйствительно полезными, нужно много перемѣнъ. Главное мнѣ кажется, необходимо организовать наши среднія учебныя заведенія такъ, чтобы они представляли собою нѣчто законченное, такъ чтобы молодой человѣкъ, окончивши курсъ гимназіи, имѣлъ уже достаточно необходимыхъ свѣдѣній, чтобы явиться дѣятельнымъ гражданиномъ. У насъ теперь даже для того, чтобы быть выбраннымъ мировымъ судьею, достаточно окончить курсъ среднихъ учебныхъ заведеній; а между тѣмъ свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя въ гимназіи и реальномъ училищѣ неимѣютъ ничего общаго ни съ дѣятельностію мироваго судьи, ни вообще какою-либо служебною дѣятельностію. На первомъ планѣ, слѣдовательно, оказывается необходимымъ ввести въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ изученіе отечественныхъ законовъ и въ особенности краткое знакомство съ судебными уставами 1884 года, безъ котораго образованіе молодаго русскаго человѣка всегда будетъ неполно, какой бы аттестатъ зрѣлости онъ ни получилъ. Едва ли не единодушно общественное мнѣніе относительно того, что классическій элементъ въ нашихъ гимназіяхъ долженъ быть ослабленъ. Нѣтъ сомнѣнія, что латинскій языкъ представляетъ еще

сколько-нибудь практической пользы для будущаго юриста, врача и положительно необходимымъ для историка, если онъ пожелаетъ обротиться къ источникамъ; но знаніе древняго греческаго языка есть спеціальность, необходимая только для немногихъ. При томъ въ сущности ни классицизмъ, ни реализмъ не должны исключать другъ друга, а необходимо должны только служить дополненіемъ одинъ другому, такъ какъ полное знаніе—это правда, для немногихъ нужное и не многими достигаемое—слагается изъ знаній реальныхъ и классическихъ. Мнѣ кажется, что самымъ лучшимъ дѣломъ было бы соединить классическія гимназіи и реальныя училища въ одно учебное заведеніе; при чемъ дѣленіе на отдѣленія—классическое и реальное, по моему мнѣнію должно начинаться съ четвертаго класса. Вообще гимназіи въ такомъ новомъ видѣ, при соединеніи классицизма, съ реализмомъ должны представлять полныя, законченныя учрежденія, а не служить только путемъ въ университетъ, куда должны обращаться только молодые люди, имѣющіе особое призваніе къ наукѣ, избирающіе особую спеціальность, при чемъ должны быть установлены особые экзамены, согласно требованій самаго университета. Необходимо, по моему мнѣнію, отмѣнить совершенно экзаменъ экстерновъ при гимназіяхъ, которые и даютъ поводъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и при томъ возмутительно несправидливы, давая людямъ пришлымъ одинаковыя права съ тѣми, которые 8—10 лѣтъ тянули лямку гимназическаго образованія. Какъ бы кто изъ экстерновъ ни выдержалъ блистательно экзаменъ, но это можетъ быть временною случайностію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать на ряду съ долголѣтнимъ изученіемъ предметовъ. Число экстерновъ при гимназіяхъ съ каждымъ годомъ увеличивается, въ особенности въ гимназіяхъ отдаленныхъ и потому мало контролируемыхъ. Для примѣра укажу на ревизію окружнаго инспектора Одесскаго учебнаго округа Громачевскаго въ 1882 году въ Кишиневѣ, гдѣ между прочимъ явился получить аттестатъ зрѣлости одинъ товарищъ прокурора, окончившій когда-то курсъ уѣзднаго уччилища и не умѣвшій правильно написать русское сочиненіе. Въ виду неожиданной правдивой ревизіи онъ взялъ свое прошеніе назадъ, но въ другомъ мѣстѣ навѣрное достигъ бы своей цѣли. Экзамены на должности народныхъ учителей, на классную должность и въ учительницы

гимназій и даже экзамены для льготъ по воинской службѣ должны непремѣнно совершаться въ комитетахъ при попечителяхъ учебныхъ округовъ или при университетахъ; при гимназіяхъ же, въ особенности въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ директоръ полновластный господинъ, и ни одинъ учитель подъ страхомъ изгнанія не можетъ идти противъ его воли, эти экзамены производятся по разнымъ посторонним соображеніямъ, но не по справедливости. Мы знаемъ, напримѣръ, въ одной гимназіи мужъ сестры инспектора, неокончившій даже гимназическаго образованія, а вышедшій изъ одного изъ первыхъ классовъ гимназіи, вздумалъ было держать экзаменъ на учителя географіи и исторіи; но директоръ человѣкъ умный и справедливый, не допустилъ этого, но съ назначеніемъ другаго директора, находящагося въ найлучшихъ отношеніяхъ съ инспекторомъ, его зять достигаетъ своей цѣли. Преподаваніе въ гимназіяхъ, хотя не во всѣхъ и не у каждаго преподавателя, отличается сухостію изложенія: формы ставятся выше всего и зубреніе замѣняетъ разумное преподаваніе предмета, въ особенности это замѣтно при изученіи древнихъ языковъ, преимущественно у преподавателей не русскихъ—нѣмцовъ, чеховъ, словаковъ, поляковъ, галичанъ и т. п.; не владѣя хорошо русскимъ языкомъ и потому не будучи въ состояніи передать учащимся вѣрно и красиво смыслъ подлинника, они останавливаются на самомъ мелочномъ разборѣ формъ и задаютъ цѣлыя страницы учить на-изустъ; такимъ образомъ ученики, обремененные тяжелою работою, получаютъ только отвращеніе отъ предмета; между тѣмъ, какъ главное—пристрастить ученика къ предмету, вызвать и удовлетворить его любознательность, а для этого ознакомить его съ самымъ смысломъ подлинниковъ, объяснить имъ возвышенность мыслей и красоту изложенія. Запишемъ здѣсь нѣкоторые факты, замѣченные нами при преподаваніи: успѣшность учениковъ младшихъ классовъ постоянно превышаетъ таковую же высшихъ классовъ; это отъ того, что томимые жаждою знанія мальчики набрасываются съ жадностію на предметъ, но утомленные его сухостію, теряютъ мало по малу усердіе и относятся уже хладнокровно къ ученію. Самые даровитые мальчики, первые ученики въ классѣ, становятся нерѣдко послѣдними, именно потому же закону природы, по которому ретивая и бойкая лошадь выбивается изъ силы и

останавливается, между тѣмъ какъ терпѣливая кляча все тащитъ шажкомъ свой возикъ. Въ старшихъ классахъ, начиная съ пятаго, ученики имѣютъ мало времени для приготовленія уроковъ, потому что почти все свободное время посвящаютъ репетиціямъ съ учениками младшихъ классовъ, вслѣдствіе чего и сами являются недоучками и готовятъ таковыхъ же. Дѣло преподаванія страдаетъ также очень много отъ того, что за учениками нѣтъ надлежащаго надзора ни передъ ученіемъ, ни вовремя ученія. Въ одной гимназіи (да это и не въ одной, а беремъ мы для примѣра) ученики забираются въ гимназію съ 7-и часовъ, но занимаются—огромное большинство—не ученіемъ уроковъ, а шалостями, такъ что и трудолюбивые и старательные ученики не могутъ повторять своихъ уроковъ отъ шума и безпорядка, а разыгравшаяся юная кровь не вдругъ успокоится и по приходѣ преподавателя, словамъ котораго по этому оказывается мало вниманія. Строгость тутъ не принесетъ пользы, а нужно уничтожить поводъ къ безпорядку; и это очень легко, хотя совершенно невозможно при теперешней внутренней организаціи гимназій. Попробовали было запирать двери гимназій и не отпирать ихъ до большаго звонка (за полчаса до начала уроковъ); но вышло едва ли не хуже: толпы гимназистовъ ходили по улицѣ и гуляли на дворѣ, предаваясь своимъ обычнымъ забавамъ,—но на этотъ разъ какъ нарочно подъ проливнымъ дождемъ. Въ одной женской гимназіи попробовали было также не пускать учениць до звонка: открылось правильное гуляніе, не замедлили явиться и кавалеры изъ сосѣдней классической гимназіи. Въ гимназіи, хорошо мнѣ извѣстной, при шестистахъ съ лишкомъ ученикахъ было три помощника классныхъ наставниковъ (больше ихъ не полагается ни въ одной гимназіи) и одинъ постоянно былъ занятъ письменною частію; остается двое, а такъ какъ гимназія двухъ-этажная, то одинъ—въ верхнемъ коридорѣ, а другой—въ нижнемъ ходитъ взадъ и впередъ, съ одного конца въ другой, только заглядывая въ стеклянные двери классовъ и проявляя свою дѣятельность только въ случаяхъ особенной важности. Теперь (если я не ошибаюсь) одинъ помощникъ классного наставника вмѣстѣ съ тѣмъ и преподаватель приговительнаго класса и только одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ онъ совмѣщаетъ эти двѣ должности, такъ какъ ему необходимо

каждый день въ продолженіи трехъ часовъ сидѣть въ приготовительномъ классѣ. Да если бы и всѣ три помощника исполняли свою должность, то и ихъ было бы недостаточно для охраненія и поддержанія порядка въ классахъ преподаваніе много теряетъ отъ того, что преподаватель не может всецѣло отдаться своему назначенію, т. е. выслушиванью и объясненію уроков; ему приходится то и дѣло прерывать их, останавливая то тѣ, то другія выходки учениковъ. Дѣвочки смирнѣе мальчиков, да и то признано необходимымъ и осуществлено на дѣлѣ, что въ каждом классѣ есть особая надзирательница (классныя дамы), которая постоянно остается съ ученицами и смотритъ за порядкомъ въ классѣ, какой бы преподаватель или преподавательница ни приходили на урокъ, они вполнѣ могутъ предаться своим прямымъ обязанностямъ; за поведеніемъ же ученицъ слѣдитъ классная дама. Чрезвычайно разумно установлена должность классных наставниковъ и обязанности ихъ прекрасно изложены въ уставѣ; но такъ какъ они возложены непосредственно на самихъ преподавателей, то послѣднимъ нѣтъ физическихъ силъ исполнить обязанности, возложенныя на нихъ уставомъ. Необходимо отдѣлить должности классныхъ наставниковъ отъ должностей преподавателей и передать ихъ особымъ лицамъ, окончившимъ курсъ университета, такъ чтобы въ каждом классѣ или его отдѣленіи (если есть параллельные) былъ особый надзиратель, который бы постоянно находился съ учениками своего класса, или отдѣленія съ самаго ихъ прихода до окончанія уроковъ, слѣдилъ бы за тѣмъ, чтобы ученики занимались уроками, а не шалостями, репетировалъ бы и объяснялъ уроки тѣмъ изъ нихъ которые чего не домыслятъ. Такія должности будутъ прекраснымъ переходомъ для молодыхъ людей, посвящающихъ себя педагогическому назначенію, съ университетской скамейки къ самому дѣлу преподаванія. Теперь преподаватели гимназій получаютъ 160 рублей въ годъ за исправленіе должности классныхъ наставниковъ,—исполненіе, возможное только на бумагѣ; разумѣется, что особымъ надзирателямъ для каждаго класса или отдѣленія вознагражденіе должно быть больше; но этотъ расходъ вознаградится быстро поднятіемъ уровня успѣшности учениковъ, которые въ настоящее время и передъ входомъ преподавателя въ классъ и послѣ ухода его изъ класса и во всѣ свобод-

ные часы настоящія овцы безъ пастыря. Тѣмъ труднѣе для преподавателя исполненіе его прямыхъ обязанностей, что въ настоящее время всѣ классы и отдѣленія переполнены учащимися, такъ что не рѣдкость въ одномъ классѣ или отдѣленіи встрѣтить свыше пятидесяти человѣкъ, а менѣе сорока нѣтъ ни въ одномъ, хотя норма и положена (если не ошибаемся) 25 человѣкъ. Въ одномъ изъ классовъ одной Харьковской гимназіи было даже 72 человѣка въ одномъ классѣ и у одного преподавателя. Понятно, что чѣмъ больше учениковъ въ классѣ, тѣмъ труднѣе преподавателю соединять обязанности надзирательскія и преподавательскія.

Преподаваніе предметовъ въ гимназіи будетъ тѣмъ больше приносить пользу ученикамъ, чѣмъ оно будетъ осмысленнѣе, чѣмъ оно будетъ меньше говорить памяти, а больше разумному сознанію. Духъ животворитъ, а плоть не приноситъ никакой пользы, сказалъ намъ Божественный Учитель; и это вполнѣ примѣняется къ преподаванію, которое говоритъ духовной сторонѣ человѣка. Начнемъ съ преподаванія Закона Божія: тутъ на первомъ планѣ должна быть нестолько догматическая часть (хотя и она необходима), сколько практическая, а именно примѣненіе великихъ истинъ, принесенныхъ Христомъ Спасителемъ, къ жизни, чтобы они не оставались только выученными на-память текстами, а сознательно были усвоены, и руководили бы затѣмъ дѣйствіями молодыхъ людей въ жизни. Чей, въ особенности еще молодой, не испорченный жизнію духъ не тронется словами Христа Спасителя: „потому васъ узнаютъ, что вы мои ученики, если любовь будете имѣть между собою,“ и далѣе:„ Я пришелъ не судить міръ, но спасти міръ“ и т. п. А вся эта сущность часто ускользаетъ отъ вниманія молодыхъ людей вслѣдствіе подробностей второстепенной важности, но требующихъ памяти. Лучшее изученіе Закона Божія—это чтеніе и объясненіе самого Евангелія, а въ высшихъ классахъ, кромѣ того чтеніе полныхъ высокой житейской мудрости книгъ Соломона и премудрости Іисуса сына Сирахова. Они обилуютъ множествомъ наставленій, которыя принесутъ безспорно пользу молодымъ людямъ въ самой ихъ жизни. Тамъ они найдутъ трезвый, здравый взглядъ на всѣ предметы, который охранитъ ихъ отъ блестящихъ на видъ, но въ сущности лишенныхъ содержанія лжеученій. Надобно, чтобы священныя книги не были

болѣе только одними книгами, а чтобы содержаніе ихъ перешло въ сокъ и кровь молодаго поколѣнія. Нельзя не удивляться тому странному раздѣленію предметовъ преподаванія, по которому къ главнымъ предметамъ отнесены древніе языки и математическія науки, а Законъ Божій, Русскій языкъ и Русская Исторія отнесены къ предметамъ второстепеннымъ (по первымъ предметамъ необходимо имѣть *три* въ среднемъ выводѣ для перехода въ слѣдующій классъ, а по вторымъ для того достаточно и $2^1/_2$) Многіе думаютъ, что религія и наука противорѣчатъ другъ другу; но это кажется только при поверхностномъ взглядѣ, если же вдуматься въ предметъ, въ самую его сущность, то мы убѣдимся, что истинная наука не только не можетъ противорѣчить чистому Христову ученію, но еще, такъ сказать подкрѣпляла бы его, если бы оно нуждалось въ томъ. Но вѣра—сама по себѣ, а наука сама по себѣ. Божественный промыселъ высказался съ ясностію въ книгахъ откровенія или св. Писанія относительно того, что необходимо для пользы и спасенія человѣчества въ духовно-нравственномъ отношеніи; но тотъ же Божественный промыселъ открылъ мыслящему человѣку и другую великую неисчерпаемую книгу Божіяго творенія въ безчисленныхъ его видахъ. Человѣкъ, ищущій истины, изучаетъ природу, какъ источникъ также для познанія Божественнаго промысла. Тѣ, которые по Божественному велѣнію, писали книги св. Писанія, писали не ученые трактаты, а нравственныя книги, необходимыя человѣчеству. Приведемъ примѣръ: наукою доказалось, что міровъ безчисленное множество и—что земля наша есть менѣе, чемъ песчинка въ мірозданіи. Что же это можетъ противорѣчить истинамъ христіанскаго ученія? Нисколько. Напротивъ тѣмъ съ большею яркостію выступаетъ невыразимая благость Создателя всего, что онъ помыслилъ о спасеніи жителей такого ничтожнаго небеснаго тѣла и послалъ свое Божественное Слово воплотиться для осуществленія это великой цѣли. Вообще въ св. Писаніи не слѣдуетъ искать рѣшенія научныхъ вопросовъ, а слѣдуетъ вѣрить Божественному слову, которому нельзя не сочувствовать въ душѣ и которое имѣетъ цѣлью одно благо человѣка. Равнодушные и невѣрующіе соблазняются нѣкоторыми подробностями, которыхъ они грубо осязать не могутъ, но тѣ же мнимо образованные люди съ увлеченіемъ вѣрятъ въ животный магни-

тизмъ, гипотизмъ, вертящіеся столы и т. п. Истинно и правильно понятый Законъ Божій совмѣстенъ со всякимъ развитіемъ науки, съ ея безконечнымъ прогрессомъ. Наука міра физическаго безпредѣльна, какъ онъ самъ, между тѣмъ истины духовно-умственнаго міра доступныя человѣку, весьма не многочислены и содержаться въ откровеніи Божіемъ, такъ какъ всякая мысль, полезная человѣчеству, есть откровеніе и проявленіе Высшаго Разума, управляющаго міромъ,—настолько, насколько слабая человѣческая природа можетъ вмѣстить въ себя истину.

Скажемъ нѣсколько словъ объ изученіи древнихъ языковъ. Мы уже выше замѣтили о необходимости уменьшить число уроковъ, что можно сдѣлать безъ всякой потери для предмета; напротивъ онъ отъ того выиграетъ, потому что вниманіе ученика не будетъ черезчуръ напряжено ежедневнымъ занятіемъ однимъ и тѣмъ же предметомъ. Мы докажемъ это самымъ дѣломъ: латинскій языкъ преподается съ перваго класса, а греческій—съ третьяго. Думаю, что никто не станетъ спорить противъ того, что греческій языкъ труднѣе латинскаго; между тѣмъ ученики при окончаніи курса оказываютъ одинаковую успѣшность какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкѣ, хотя затратили на изученіе латинскаго языка лишнихъ два года. Не ясно ли изъ этого, что два года изученія латинскаго въ первомъ и второмъ классѣ, по крайней мѣрѣ, для болѣе старательныхъ учениковъ, совершенно лишни и могли бы быть употреблены съ большею пользою для изученія какого-нибудь другаго предмета. Теперь спросимъ, какая цѣль изученія древнихъ языковъ? По моему мнѣнію, знакомство съ великими произведеніями ума человѣческаго въ древности и усвоеніе мысли и свѣдѣній древнихъ писателей. Конечно, изученіе граматическихъ формъ необходимо; но оно должно быть средствомъ, а не цѣлью. Между тѣмъ у насъ выходитъ дѣло на оборотъ и самое изученіе граматическихъ формъ становится на первомъ планѣ: видите ли, оно необходимо, какъ гимнастика ума учениковъ, какъ упражненіе ихъ мысленной аналитической дѣятельности. Но я съ этимъ рѣшительно согласиться не могу: лучшей гимнастикой ума учениковъ служатъ математическіе науки во всѣхъ ихъ видахъ; изученіе же древнихъ языковъ должно имѣть цѣлью изученіе великихъ писателей древности; говорить

же по—латыни и по—гречески мы не будемъ, а тѣмъ менѣе писать и сочинять на нихъ. Хотя бы это и было возможно, но это было бы фанфоронство, натяжка, ни къ чему не ведущая, какъ напримѣръ, я знаю одного преподавателя, который переводилъ и перевелъ (и даже печатать сталъ) латинскими стихами, что вы думаете „Бориса Годунова" Пушкина. Кажется лишнее сказать, что этотъ господинъ былъ нѣмецъ, потому что русскій человѣкъ не способенъ на такую выходку, у него недостанетъ терпѣнія. Читаю заглавіе: Borissius Godunovius, я говорю переводчику, зачѣмъ вы придали русскимъ именамъ латинскія окончанія; по моему мнѣнію, лучше написать латинскими буквами Boriss Godunov. „Помилуйте," сказалъ мнѣ ученый, „такъ какъ же я буду ихъ склонять?" На мое замѣчаніе, что можно оставить безъ измѣненія окончаній во всѣхъ падежахъ, онъ не согласился и, оставивъ Borissius безъ перемѣны, второе слово написалъ Godunо, говоря, что будетъ склонять по примѣру слово juno, т. е. въ родительномъ Godunovis и т. д. И смѣшно и досадно такое изученіе древнихъ языковъ; между тѣмъ именно переводы съ русскаго на латинскій и греческій служатъ пробнымъ камнемъ познаній учениковъ; а по моему мнѣнію лучшимъ экзаменомъ ученика восьмаго класса, оканчивающаго курсъ, должно быть то, чтобы свободно читалъ и понималъ классика, гдѣ бы его не раскрыть. Мы уже выше сказали и теперь повторяемъ, что двухъ классическихъ языковъ положительно много и что учащимся долженъ быть представленъ выборъ одного изъ двухъ языковъ для обязательнаго изученія. Распредѣленіе предметовъ по классамъ неудовлетворительно. Поступая въ третій классъ, ученикъ находитъ, кромѣ всѣхъ прежнихъ предметовъ, которые преподавались во 2-м классѣ, разомъ три: греческій яз., алгебру и исторію; понятно, что не всякій ученикъ можетъ осилить такое увеличеніе предметовъ сразу и отъ того-то успѣшность учениковъ падаетъ быстро именно съ третьяго класса. Относительно выбора писателей для перевода я того мнѣнія, что Виргилія слѣдуетъ удалить вовсе изъ гимназій; это поэтъ—университетскій, а не гимназическій: у него почти каждое слово требуетъ объясненій и при томъ языкъ искусственный и неправильный.

Относительно изученія русскаго языка самый лучшій методъ— это практическій, а именно чтеніе на-изусть лучшихъ русскихъ поэтовъ. Когда я учился во второй гимназіи въ Москвѣ, у насъ преподавателемъ былъ нѣкто Лавдовскій. Онъ съ третьяго класса уже почти не трогалъ грамматику, а занималъ насъ частыми письменными упражненіями и задавалъ учить на-изусть произведенія Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова, такъ что мы въ теченіи пяти лѣтъ (начиная съ третьяго класса) выучили на-изусть всего Пушкина и очень много Жуковскаго и Лермонтова. Почтенный преподаватель говорилъ: „если вы усвоите себѣ формы и выраженія лучшихъ писателей, то когда вы станете излагать собственныя мысли на бумагѣ, вамъ невольно, какъ ваши собственныя, будутъ приходить въ голову заученныя и усвоенныя вами выраженія.“ Мнѣ кажется, что такой взглядъ на предметъ самый правильный и полезный для учениковъ. Относительно изученія географіи въ гимназіяхъ нельзя не замѣтить и не пожалѣть, что изученіе нашего обширнаго отечества весьма неудовлетворительно. Географію Россіи учатъ въ четвертомъ классѣ по два урока въ недѣлю, да въ восьмомъ классѣ по одному уроку назначается на повтореніе. Когда я учился, то для насъ, учениковъ, обязательно было знать, сколько въ какой губерніи уѣздовъ и главные ихъ города; теперь же въ принятыхъ въ гимназіи учебникахъ Лебедева и Бѣлохи уѣздовъ вовсе не перечислено и изъ уѣздныхъ городовъ упоминается два либо три почему-либо особенно замѣчательныхъ. Послѣдствіемъ бываетъ то, что теперешніе преподаватели географіи сами не знаютъ, по крайней мѣрѣ двухъ третей городовъ русскихъ. Мнѣ самому пришлось слышать, что преподаватель географіи не могъ отвѣтить, въ какой губерніи находится городъ Руза. И не удивительно; гдѣ же ему было выучиться? Съ недостаточными познаніями пріобрѣтенными въ IV классѣ, повторенными кое-какъ въ VIII, онъ поступилъ въ Университетъ, гдѣ Географія во всене читается; при томъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ на выпускномъ экзаменѣ, такъ высокопарно величаемомъ экзаменомъ зрѣлости, изъ географіи своихъ учениковъ вовсе не экзаменуютъ, а выставляютъ баллъ годовой успѣшности по вѣдомостямъ; экстерновъ же, или пришлыхъ учениковъ, экзаменуютъ, но очень кратко по вышеупомянутымъ учебникамъ.

Вообще же, не входя въ подробное разсмотрѣніе каждаго предмета гимназическаго преподаванія, я долженъ замѣтить, что больше всего нужно обращать вниманіе на пониманіе урока, а не затверживаніе его посредствомъ одной памяти. Нѣкоторые преподаватели гимназій забываютъ, что они не профессора университетовъ, и читаютъ свои собственныя лекціи, такъ, что ученикъ или ученица должны составлять особыя записки, что страшно затрудняетъ ученіе; это дѣлается большею частію по исторіи. Но задача преподавателя заключается въ томъ, чтобы объяснить прочитанный по учебнику урокъ такъ, чтобы не оставалось ни одного непонятнаго учениками слова или выраженія; вотъ и все, а затѣмъ преподаватель уже не долженъ высказывать свои свѣдѣнія и свое краснорѣчіе никому ненужныя. Существуетъ даже (сколько мнѣ извѣстно) циркуляръ М. Н. Пр., запрещающій преподавателямъ уклоняться отъ учебниковъ, такъ какъ эти учебники ими же избираются.

Почти все, что сказано выше о нашихъ мужескихъ гимназіяхъ, примѣняется и къ женскимъ, и послѣднія идутъ съ дѣйствительною жизнію въ разладъ и пріобрѣтенныя ученіемъ познанія остаются большею частію безъ возможности примѣненія къ дѣйствительности; такъ напримѣръ, мы совершенно не понимаемъ, какую пользу принесетъ ученицѣ изученіе геометріи и алгебры. Слѣдовало бы, какъ кажется, обратить больше вниманія на изученіе географіи, проведя ее чрезъ всѣ классы, сдѣлать обязательнымъ изученіемъ хоть одного изъ новыхъ языковъ, а вмѣсто алгебры и геометріи изучать ботанику вмѣстѣ съ садоводствомъ и познаніемъ цѣлебныхъ свойствъ разныхъ травъ; не безполезно было бы ознакомить ученицъ высшихъ классовъ гимназіи съ отечесвеннымъ Законодательствомъ. И вообще воспитанію въ тѣхъ гимназіяхъ дать болѣе осмысленный характеръ; а то оно представляетъ часто только наборъ познаній безъ связи и толку. Хотя въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ есть свои начальницы, но онѣ подчинены директорамъ гимназій. Это бы слѣдовало отмѣнить вовсе директорамъ гимназій достаточно дѣла съ своими собственными заведеніями и женскія учебныя заведенія должны быть изъяты изъ ихъ веденія; отъ этого нисколько не пострадаетъ ученіе, но выиграетъ нравственность. Главный надзоръ за

Женскимъ учебнымъ заведеніемъ М. Н. Пр. можетъ быть возложенъ на одного изъ окружныхъ инспекторовъ учебнаго округа. Обязанности директоровъ мужскихъ гимназій въ высшей степени важны; отъ нихъ вполнѣ зависитъ ходъ образованія и его успѣшность. Власть директоровъ надъ преподавателями такова, что они вполнѣ отъ него зависятъ не только относительно средствъ къ жизни (потому что директоръ распредѣляетъ количество уроковъ), но и относительно самой службы, такъ какъ отъ директора зависитъ не только очернить преподавателя, но и вовсе его уволить; а затѣмъ его уже нигдѣ не примутъ по учебной части. Такимъ образомъ преподаватели должны служить не дѣлу преподаванія, а лицу директора; понятно, насколько отъ этого страдаетъ преподаваніе и даже ученики: по капризу директора они увольняются нерѣдко изъ гимназіи его собственнымъ произволомъ и преподаватели узнаютъ только, послѣ изгнанія, когда подписываютъ журналы, а случается, что даже дѣло обходится безъ ихъ подписи. Я служилъ четыре года въ одной гимназіи и былъ хоть не на всѣхъ, но на многихъ педагогическихъ совѣтахъ, журнала же ни одного подписать мнѣ не пришлось. Не знаемъ какія достоинства требуются для того, чтобы удостоиться высокаго поста директора гимназіи, но только во всякомъ случаѣ, не ученость: очень мало директоровъ гимназій, которые извѣстны какими—нибудь учеными трудами; а потому плохо они могутъ судить объ ученыхъ достоинствахъ преподавателей и дѣлать имъ правильную оцѣнку. Ничто такъ живо не дѣйствуетъ на молодыхъ людей, ничто такъ не ожесточаетъ ихъ сердца и не располагаетъ ихъ внимать разнымъ лжеученіямъ, какъ несправедливости. Вообще я замѣтилъ тотъ недостатокъ въ теперешнихъ начальникахъ въ сравненіи съ тѣми, какихъ пришлось мнѣ имѣть самому, когда я учился—недостатокъ выдержки въ обращеніи съ учениками, рѣзкій переходъ отъ излишней фамильярности къ неумѣстной строгости: то жмутъ руки ученикамъ (старшихъ классовъ, конечно), то не долго думая, выгоняютъ изъ гимназіи и навсегда дѣлаютъ несчастными. Также точно полученное образованіе часто съ величайшими трудами не приноситъ ожиданныхъ плодовъ, потому что труженику перебиваетъ дорогу человѣкъ ниже по образованію, но имѣющій связи и протекціи. Чтобы дать цѣну высшему образованію, необ-

ходимо, чтобы оно вознаграждалось хотя тѣмъ, чтобы получившій его не оставался безъ мѣста и куска хлѣба. Теперь же кандидаты университетовъ гранятъ мостовую, отыскивая уроки за ничтожную плату, а мѣста получаютъ люди, не имѣющіе не только университетскаго, но даже гимназическаго воспитанія. Мы упомянули уже объ одномъ товарищѣ прокурора, окончившемъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ; между тѣмъ какъ кандидаты университета, окончившіе курсъ юридическихъ наукъ, за неимѣніемъ другихъ мѣстъ идутъ въ урядники. Университетское образованіе не только не обезпечиваетъ получившему его вѣрное мѣсто, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ служитъ даже препятствіемъ; такъ, если мы не ошибаемся, въ становые пристава не назначаютъ людей съ университетскимъ образованіемъ; точно также люди съ университетскимъ образованіемъ не могутъ быть ни волостными писарями, ни народными учителями. И это все изъ осторожности, какъ бы на эти мѣста не попали люди неблагонадежные; но не всѣ же изъ нѣсколькихъ тысячъ молодыхъ людей, оканчивающихъ курсъ, заражены вредными лжеученіями; а зачѣмъ же имъ загораживать честный кусокъ хлѣба, который они могутъ получить, занимая за неимѣніемъ высшихъ мѣстъ хоть тѣ скромныя, о которыхъ мы упомянули выше. Недовѣріе къ университетскому образованію таково, что въ инспектора народныхъ училищъ, рѣдко назначаютъ преподавателей гимназій а чаще смотрителей двухъ и четырехъ-классныхъ училищъ, людей, иногда не окончившихъ даже гимназическій курсъ. Необходимо установить, чтобы мѣста даваемы были прежде всего воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній безъ всякихъ оговорокъ о неимѣніи будто бы людей. Еще недавно въ одномъ учебномъ округѣ исправляющимъ должность учителемъ гимназіи былъ молодой человѣкъ, окончившій только гимназію, а въ другомъ учебномъ заведеніи учителемъ по найму былъ допущенъ одинъ господинъ, получающій полную учительскую пенсію по болѣзни; а между тѣмъ много молодыхъ людей, окончившихъ курсъ историко-филологическаго факультета, не получаютъ мѣста будто бы за неимѣніемъ ихъ. Тоже прискорбное явленіе замѣчается и въ духовномъ вѣдомствѣ, такъ что люди съ семинарскимъ образованіемъ перебиваютъ дорогу лицамъ, окончившимъ академическій курсъ. Необходимо установить, чтобы

окончившіе академическій курсъ имѣли преимущественное право на полученіе мѣстъ и чтобы, напримѣръ, законоучители по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ какихъ бы то ни было вѣдомствъ были изъ лицъ, окончившихъ курсъ академіи. Теперь же весьма много законоучителей и при томъ въ весьма видныхъ учебныхъ заведеніяхъ имѣютъ едва-едва семинарское образованіе, тогда какъ окончившіе курсъ академіи не тотчасъ получаютъ мѣста, да если и получаютъ, то въ духовныхъ училищахъ преподавателями, для чего вовсе не требовалось имъ высшаго образованія.

Образованіе народа должно находиться въ самой тѣсной связи съ его жизнію, и лучше совсѣмъ неучить народъ, чѣмъ учить его превратно. Здравый, естественный, природный умъ человѣка простаго отвергнетъ съ ужасомъ измышленія лжеобразованія. Истинное образованіе должно основываться на развитіи природныхъ способностей, на усиленіи и укрѣпленіи того естественнаго закона добра и совѣсти, который написанъ намъ Господомъ Богомъ при сотвореніи человѣка. Будемъ разсудительны, воспользуемся опытомъ прошлой жизни народовъ; пусть чужія страданія сдѣлаютъ насъ умнѣе. Убѣдимся, что нѣтъ политическихъ формъ и учрежденій, которые бы *сами въ себѣ* заключали ли залогъ благополучія всѣхъ и каждаго; что только при стараніи каждаго гражданина быть лучшимъ возможны найлучшіе порядки, Въ этомъ-то отношеніи всего важнѣе истинное образованіе, которое бы дѣлало человѣка не столько богатымъ познаніями, сколько добрымъ, правдивымъ, самостоятельнымъ, добросовѣстнымъ исполнителемъ обязанностей, налагаемыхъ на него обществомъ и государствомъ, въ святомъ исполненіи каковыхъ обязанностей онъ найдетъ и обезпеченіе своихъ правъ.

1885 года Марта 28-го дня.

СОЦІАЛИЗМЪ, КОММУНИЗМЪ И НИГИЛИЗМЪ.

Слова эти повторяются часто многими съ опасеніемъ, большую частію съ любопытствомъ, съ какимъ-то нервнымъ, раздражительнымъ любопытствомъ, какъ когда рѣчь идетъ о запретномъ плодѣ, имѣющимъ для слушающаго невыразимый интересъ. Поговоримъ объ этихъ выраженіяхъ подробнѣе, такъ какъ не-

многіе знакомы съ сущностію предмета, ими выражаемаго. Всѣ эти три слова латинскія, только позднѣйшаго происхожденія, искусственно сдѣланныя изъ латинскихъ корней; нравственные же эти недуги были вовсе незнакомы римлянамъ, народу съ великимъ здравымъ смысломъ вовсе не мечтательному, а чисто практическому. Слово соціализмъ имѣетъ корнемъ латинское слово socius, что значитъ товарищъ, союзникъ. Такъ въ исторіи древняго Рима была *соціальная война*, но не въ теперешнемъ смыслѣ, а просто-война съ народами, которые были связаны союзомъ съ римлянами. Слово societas въ первоначальномъ смыслѣ *товарищества* впослѣдствіи приняло значеніе *общества*, а соціальными науками названы тѣ науки, которыя имѣютъ цѣлью изученіе законовъ, управляющихъ человѣческими обществами, и изысканіе средствъ къ улучшенію положенія всѣхъ и каждаго. Въ этомъ смыслѣ соціализмъ, или желаніе изучить соціальныя науки, не только не представляетъ ничего вреднаго, но даже заслуживаетъ одобренія, такъ какъ нельзя не согласиться, что вообще общество европейскихъ народовъ хотя и достигло высшей степени умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія, но не для всѣхъ, даже далеко не для всѣхъ. Улучшеніе положенія низшихъ и рабочихъ классовъ, да и вообще всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя обижены судьбою, составляетъ и должно составлять заботу великихъ государственныхъ людей; но это улучшеніе должно производиться постепенно улучшеніемъ законодательства, а прежде всего воспитаніемъ въ духѣ истинно христіанскомъ. Хотя тѣхъ словъ, которыя теперь обозначаютъ общественный недугъ, римляне не знали, но болѣзнь вѣка проявилась у нихъ едва ли еще не съ большею рѣзкостію, чѣмъ теперь въ Европѣ. Общество тогда дѣлилось на двѣ части: одну немногочисленную, но богатую дарами земными; ей, этой-то части, принадлежали и всѣ плоды высокаго развитія греческаго образованія; эта-то половина богатыхъ гражданъ римскихъ утопала въ роскоши, не знала мѣры своимъ наслажденіямъ, науки и искусства употребляла для служенія своимъ страстямъ. Большинство и громадное большинство терпѣло страшную нужду, въ особенности сословіе рабовъ; ему недоступны были утѣшенія философіи; религія языческая существовала также только для богатыхъ, пото-

му что требовала жертвъ При томъ она ничего не говорила душѣ, а только тѣлу и его влеченіямъ, Подъ конецъ временъ римской республики населеніе римскаго государства задыхалось отъ недостатка духовной пищи: римляне привыкли видѣть кровь человѣческую, проливаемую не только на играхъ сценическихъ, но и въ безчисленныхъ схваткахъ партій, состязавшихся о власти, которую всѣ претенденты на нее понимали не какъ средство благотворить человѣчеству, а какъ средство наживы и личной мести. Вообще положеніе общества было безотрадное и отношеніе между членами его—самое неправильное, самое тяжелое. съ одной стороны гнетъ насилія, съ другой—терпѣніе, которое впрочемъ иногда лопалось и проявлялось въ возстаніяхъ рабовъ тутъ-то и раздалось божественное слово милости и любви изъ Іудеи и внесено новое начало въ общество—начало правильныхъ отношеній между людьми, основанныхъ на разумномъ пониманіи закона Божія Впрочемъ, какъ ни просты, какъ ни доступны сердцу человѣческому эти истины, какъ ни много пользы принесли они человѣчеству; но по несовершенству человѣческой природы не всѣ люди проникались ими вполнѣ и дѣйствуютъ по нимъ, а потому-то и положеніе современнаго общества Европы настолько не совершенно, насколько оно удалилось отъ святыхъ истинъ, принесенныхъ Искупителемъ. Если жгучій эгоизмъ господствуетъ въ отношеніяхъ между членами общества вмѣсто умилительнаго чувства любви христіанской, выраженнаго словами Христа Спасителя: „потому узнаютъ, что вы мои ученики, если вы имѣете любовь между собаю,“ то чему же удивляться, если въ обществѣ находятся ожесточенные враги общественнаго устройства, при которомъ они не имѣютъ куска хлѣба и не видятъ никого, кто бы въ нихъ принималъ участіе и жалость, и также встрѣчаются люди, которые пользуются этимъ расположеніемъ массъ для своихъ личныхъ честолюбивыхъ цѣлей. Нельзя отрицать и того, что положеніе общество ухудшается и отъ причинъ, такъ сказать, отъ него прямо независящихъ, такъ какъ съ умноженіемъ населенія не увеличиваются соразмѣрно средства къ жизни. Въ этомъ-то отношеній соціальныя науки могутъ принести большую пользу изысканіемъ средствъ къ удовлетворенію потребностей быстро ростущаго населенія. Это изысканіе долж-

но производится безъ всякихъ заранѣе составленныхъ видовъ и предположеній; соціализмомъ же въ тѣсномъ смыслѣ называется ученіе съ предвзятымъ взглядомъ на полную несостоятельность всѣхъ существующихъ нынѣ отношеній между членами общества и съ явнымъ намѣреніемъ перестроить его, но путемъ не любви христіанской, не улучшеннаго законадательства и перевоспитанія отдѣльныхъ личностей, а путемъ насильственнымъ, распредѣленіемъ богатствъ между всѣми поровну, но не добровольно, а принудительно. Любовь къ ближнему въ духѣ христіанства заставляетъ дѣлиться съ нимъ по мѣрѣ силъ и возможности даже болѣе проникнутый истинно христіанскою любовію къ ближнему достигаетъ высшей степени совершенства въ любви, которая заключается въ томъ, что помочь ближнему въ нуждѣ предпочитаетъ удовлетворенію какихъ-либо своихъ собственныхъ желаній. Въ старину, когда еще родъ имѣлъ значеніе, то благородство, съ нимъ соединенное, предполагало и благородство души въ отношеніи къ другимъ, вслѣдствіе чего получила свое начало поговорка: „благородство налагаетъ обязанности,“ т. е. въ отношеніи къ другимъ не допускаетъ сдѣлать ничего грубаго, притѣснительнаго, а предполагаетъ отношенія самыя ласковыя, добродушныя. Теперь когда больше въ ходу поговорка;“ что зачесть, когда нечего ѣсть „обладаніе матеріальными средствами возлагаетъ на человѣка, который не по слову только христіанинъ, обязанность благотворить, т. е. жить не для себя только, а и для другихъ, и тогда только испытаетъ онъ то высшее наслажденіе внести благосостояніе туда, гдѣ царствовала нищета, о которомъ язычникъ Плиній превосходно выразился, что homo homini Deus т. е. въ дѣлахъ благотворенія и пользы ближнему является проявленіемъ божественнаго, промысла о человѣкѣ на землѣ. Конечно, если бы большинство людей, обладающихъ матеріальными средствами, проникнуты были этою мыслію то недуги общественные называемые соціализмомъ, коммунизмомъ, съ отчанія человѣка переходящіе въ разрушительный нигилизмъ мало по малу исчезли бы передъ свѣтомъ любви христіанской, какъ исчезаютъ летучія мыши при восходѣ солнца. Но вслѣдствіе разгула страстей человѣческихъ, необуздываемыхъ закономъ Божіемъ, померкло солнце любви христіанской, вносящее

теплоту въ отношенія между людьми и, какъ противодѣйствіе эгоизму господствующему между ними, появилась грозная для общества туча, несущая съ собою коммунизмъ, или ученіе о понудительномъ раздѣленіи какъ естественныхъ природныхъ богатствъ земли, такъ и нажитыхъ личнымъ трудомъ и трудомъ цѣлыхъ поколѣній.

Коммунизмъ имѣетъ корнемъ латинское слово-communis, общій, и выражаетъ стремленіе сдѣлать между людьми все общимъ, отъ этого же корня происходитъ слово коммуна, которое въ первоначальномъ значеніи обозначаетъ *общину* въ томъ же смыслѣ, какъ это слово употребляется у насъ относительно крестьянскаго быта. Но въ настоящее время вслѣдствіе злоупотребленій той общины, которая господствовала одно время во-Франціи, означаетъ шайку враговъ всякой собственности. Не вдругъ сложилось зданіе общественнаго устройства, которымъ мы теперь пользуемся, а въ теченіи многихъ поколѣній. Не сразу выработалось понятіе о собственности, какъ оно теперь общепринято. Чѣмъ выше восходимъ мы къ первымъ временамъ жизни человѣчества, тѣмъ понятіе это измѣняется. Въ тѣ времена и даже не въ очень отдаленныя собственностію называлось только то, что произведено личнымъ трудомъ человѣка и поэтому самому принадлежало исключительно ему, а то, что создано Господомъ Богомъ на пользу и употребленіе всего рода человѣческаго, а именно: земля, вода лѣсъ на корню, дикія животныя и т. п. считались принадлежащимъ всѣмъ людямъ одинаково: эти предметы принадлежали тому, кто первый взялъ, изъ нихъ но не въ полную собственность, а во временное пользованіе. У нашихъ предковъ у Нестора и другигъ лѣтописцевъ собственность обозначается словами *жизнь*, *животы*, т. е. то, что нажито личнымъ трудомъ; а то, что мы поименовали выше, считалось общею собственностію всѣхъ и каждаго, такъ лѣсъ рубить могъ всякій, но домъ, выстроенный изъ этого лѣса, составлялъ собственность того, кто его построилъ, и теперь даже между, тѣмъ какъ у насъ производятся процессы за порубку какого-нибудь дубка или липки, необъятныя пространства лѣсовъ Сибири ждутъ только рукъ для обработки лѣсныхъ произведеній. Чѣмъ глубже погружаемся мы въ отдаленную древность, тѣмъ отношенія между

людьми представляютъ болѣе семейный характеръ, такъ что забота о каждомъ лежитъ на обязанности всѣхъ. Такъ, въ законодательствѣ Моисея находимъ мы, что въ седьмой годъ отпускались долги бѣднымъ евреямъ и представлялась земля въ ихъ пользованіе. Замѣтимъ здѣсь, что не составляла частной собственности по тогдашнимъ понятіямъ земля въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ Творца, обработанная земля принадлежала тому, кто ее воздѣлалъ своимъ трудомъ. Вообще въ древнія времена мы находимъ гораздо больше заботы каждаго обо всѣхъ и всѣхъ о каждомъ, чѣмъ впослѣдствіи, и въ этомъ отношеніи народы, стоящіе по видимому на низшей степени цивилизаціи, вызываютъ болѣе заботливости, чѣмъ народы по видимому просвѣщенные. Такъ, у древнихъ арабовъ считалось большею заслугою посадить дерево и вырыть колодецъ на большой дорогѣ, такъ чтобы каждый могъ пользоваться этими благами подъ палящемъ солнцемъ востока. У древнихъ грековъ и римлянъ всѣ зрѣлища, всѣ увеселенія были безплатны и долго общественныя зданія своею обширностію и роскошью превосходили частныя. Не вдругъ, повторямъ мы, выработалось понятіе собственности въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какъ понимается оно теперь; но это произошло отъ нужды вслѣдствіе увеличенія населенія и необходимости оградить плоды трудовъ человѣка отъ притязаній другихъ. Общинное владѣніе землею было у всѣхъ народовъ первоначальною формою землевладѣнія, пока не требовалось особенныхъ трудовъ для улучшенія почвы тогда болѣе трудолюбивый хозяинъ не пожелалъ уже работать для другихъ, а сталъ работать только для себя на своемъ клочкѣ земли и такимъ образомъ образовалось частное землевладѣніе.

Коммунизмъ—это недугъ XIX в. по крайней мѣрѣ въ той рѣзкой формѣ, въ какой теперь проявляется. У древнихъ народовъ не было и понятія о коммунизмѣ и только въ мечтаніяхъ философа Платона находимъ мы что-то подобное. Знаменитые аграрные законы древнихъ римлянъ вовсе не проникнуты духомъ коммунизма. тутъ не было и мысли о томъ, чтобы отнять у богатаго и раздѣлить бѣднымъ, Эти законы нисколько не касались частной собственности каждаго, а относились только до общественнаго поля (agerpublicus) и до распредѣленія его между бѣдными гражданами. Общественное же поле состояло изъ

земель, отнятыхъ римлянами у воинственныхъ сосѣдей (третья часть) и нисколько не касались собственныхъ земель патриціевъ, полученныхъ или отъ предковъ, или купленныхъ на деньги Увѣренность, что я тружусь для улучшенія своего положенія и моего семейства, есть лучшее побужденіе къ труду, особенно для человѣка простаго, не вдумавшагося еще въ то, что благосостояніе его почти нераздѣльно съ благосостояніемъ другихъ; а съ перваго взляда даже кажется страннымъ трудиться для другихъ: надобно быть человѣку глубоко развитымъ, чтобы отречься отъ личныхъ интересовъ въ пользу общихъ. Несовершенство человѣческой природы таково, что даже тамъ, гдѣ люди собираются на какое-либо предпріятіе и гдѣ совокупностію ихъ трудовъ обезпечивается благосостояніе каждаго, то и тамъ стремленіе къ своему личному интересу заставляетъ уклоняться отъ своего прямого пути. Сколько товариществъ, обществъ покончили свое существованіе преждевременно вслѣдствіе именно этих личныхъ стремленій. Трудно, почти невозможно совладать съ этими влеченіями человѣка дѣйствовать исключительно въ свою пользу, да и нѣтъ надобности, потому что народное богатство слагается изъ богатствъ отдѣльныхъ личностей; желательно, весьма желательно, чтобы эти частныя стремленія слились въ одно общее и чтобы каждый, трудясь для себя лично, трудился и на пользу всѣхъ но этого надобно ждать отъ лучшаго воспитанія, которое внушило бы человѣку сознаніе своихъ обязанностей въ томъ отношеніи, что трудясь по видимому для другихъ, онъ трудится въ сущности для себя; а понудительными мѣрами или обязательнымъ раздѣломъ собственности ничего нельзя достигнуть, кромѣ того, что уничтоживъ личное стремленіе къ труду, условите общую бѣдность. Организовать трудъ человѣка такъ, чтобы онъ трудился какъ часть машины, значитъ убить въ немъ не только свободную производительности, но и уничтожить разумную волю и обратить его въ слѣпое орудіе или часть совершенно непонятнаго ему механизма. Теперешній бытъ общества представляетъ конечно несовершенства, оно вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ мѣсто (хотя и не всегда) свободной разумной дѣятельности человѣка. Стремленіе къ раздѣлу собственности явилось послѣ французской ревалюціи,—этого событія перетолковано себялюбивыми фран-

цузами, какъ событія всемірной важности. Дѣло въ томъ, что это событіе имѣло большое значеніе для Франціи, какъ необходимый выводъ предшествовавшей ея исторіи. Во Франціи было два населенія: одно коренное, состоявшее изъ кельтовъ или галловъ, и поселенцевъ-римлянъ; другое пришлое изъ германскаго племени франковъ, покорившаго туземное. Понятно, что господствующимъ племенемъ явились франки, присвоили себѣ власть, большую часть земель и проч. Они то составили сильную, воинственную, земельную аристократію; побѣжденные ими пріобрѣли значительную степень благосостоянія и стремились уравняться въ правахъ съ побѣдителями; вотъ этого-то они и достигли, посредствомъ такъ называемой революціи, вызванной финансовыми затрудненіями. Она уровняла всѣхъ французовъ: аристократія утратила не только всѣ свои права, но и почти всю поземельную собственность, проданную съ молотка людямъ новымъ; но до какой чудовищной крайности ни доходили политическія мнѣнія нѣкоторыхъ вожаковъ французской революціи, не было и рѣчи о какомъ-нибудь аграрномъ законѣ или о раздѣлѣ земель и вообще собственности. Она осталась неприкосновенною, но перешла изъ рукъ аристократіи въ руки разбогатѣвшаго мѣщанства. Въ девизѣ французской революціи—*свобода, равенство и братство*,—слово равенство относится до политическихъ правъ, до уравненія всѣхъ гражданъ передъ закономъ, но ни какъ не до равенства состояній или уравненія ихъ между имущими и неимущими классами. Прошло много лѣтъ послѣ французской революціи, выросло новое поколѣніе, но оно почуствовало, что громкія слова—*свобода, равенство и братство*—не обезпечили многимъ даже куска хлѣба, что слово равенство является пустымъ и неимѣющимъ смысла для бѣднаго блузника съ разбогатѣвшимъ товарищемъ его дѣтства, обрызгавшимъ его грязью колесъ своей кареты. Вотъ блузникъ и сталъ разсуждать: равны-то мы, всѣ равны, да не одинаково намъ живется: вотъ я съ голоду умираю и работы не найду, а тотъ, съ кѣмъ я въ дѣтствѣ въ бабки игралъ, теперь живетъ въ роскоши. Видно, что-нибудь тутъ не такъ, и вотъ онъ легко поддается льстивымъ рѣчамъ какого-нибудь оратора, который предлагаетъ уравнять всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ раздѣломъ собственности. Такимъ-то

образомъ коммунизмъ мало по малу вкрался въ убѣжденія рабочаго и неимущаго населенія, маня его призракомъ улучшенія участи, иначе невозможнаго при страшномъ эгоизмѣ классовъ имѣющихъ, но не желающихъ добровольно удѣлить что либо для помощи нуждающихся братій. Въ 1848 г. коммунизмъ является уже враждебною силою, съ которою приходится бороться обществу чтобы отстоять собственное существованіе; а въ 1870 г представители коммунизма даже достигли на время власти, которую осквернили и опозорили излишествами всякаго рода, доказавъ сами на дѣлѣ непримѣнимость коммунизма.

Теперь поговоримъ о знаменитомъ девизѣ французской республики—*свобода, равенство и братство.* Прежде всего постараемся дать себѣ отчетъ въ значеніи слова *свобода.* Свобода дѣйствій можетъ быть двояковая: свобода на доброе и свобода на злое. Но первой не стѣсняетъ никакое правительство; остается вторая, о которой апостолъ Павелъ выразился, что эта свобода есть прикрытіе злобы. Полная свобода человѣка возможна только въ дикомъ его состояніи, но самая слабость и беззащитность человѣка, обреченнаго самому себѣ, заставила людей соединиться въ общества и отречься отъ извѣстной доли своей свободы для обезпеченія своей личности и собственности. Такимъ образомъ общество невозможно безъ взаимныхъ уступокъ каждаго члена общества другимъ его членамъ. Въ началѣ французской ревалюціи предложены были высокопарно написанныя права человѣчества; но съ кого же люди будутъ требовать этихъ самыхъ правъ, если сами не будутъ исполнять ихъ относительно другихъ, какъ обязанности. Освобожденіе возможно только тамъ, гдѣ народъ находится подъ господствомъ другаго чуждаго ему по религіи и языку и наложившаго на него свои законы, чуждые его природѣ. Таково освобожденіе Балканскихъ христіанъ отъ турокъ; но борьба за свободу съ своимъ собственнымъ національнымъ правительствомъ—это нелѣпость. Она основана въ сущности только на томъ, что честолюбивый претендентъ какой-либо партіи на власть говоритъ другому, стоящему у ней: „ступай прочь, я стану на твое мѣсто.“ Истинная разумная свобода заключается въ самомъ человѣкѣ, въ его внутреннемъ развитіи, и достоинъ этотъ человѣкъ свободы настолько, насколько онъ

уважаетъ ее у другихъ и насколько правильно ее понимаетъ. Иные понимали свободу финансовыхъ дѣйствій, какъ право безнаказанно присвоить чужія деньги, имъ ввѣренныя Въ нѣкоторыхъ земскихъ и городскихъ обществахъ являлось стремленіе къ свободѣ для того, чтобы безконтрольно распоряжаться общественнымъ и городскимъ имуществомъ. Кто дѣйствуетъ честно и прямо, тотъ не будетъ уклоняться отъ контроля, а самъ призоветъ его и отказался бы, если бы ему и была возможность распоряжаться чужимъ имуществомъ съ полною свободою. Что можетъ быть лучше розумной свободы печати, какъ самаго полезнаго средства высказать общественныя нужды и быть органомъ общественнаго мнѣнія; и она же—эта свобода печати—можетъ перерродиться въ отвратительную бранную полемику, пропитаться клеветою и бросать грязью въ лучшихъ дѣятелей. Такимъ оброзомъ свобода сама по себѣ нисколько не есть благо; но если люди сами хороши въ своихъ дѣйствіяхъ и разумны, то они понимаютъ свободу прежде всего, какъ уважиніе права другого, а не какъ возможность дѣлать все самому для себя безнаказанно. Общественное устройство нисколько не препятствуетъ свободѣ отдѣльнаго лица, если только эта свобода не перерождается въ своеволіе и самоуправство. Обратимся къ первымъ временамъ образованія человѣческихъ обществъ. Оно возникло изъ стремленія людей къ правдѣ или иначе—къ правосудію, къ правильному устройству отношеній между ними. Въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ разсказъ Геродота о возникновеніи царской власти у Мидянъ. Жили Мидяне отдѣльными общинами и каждая изъ нихъ выбирала себѣ судью для внутреннихъ распорядковъ. Одинъ изъ этихъ судей, по имени Дейокъ отличался мудростію и справедливостію своихъ рѣшеній. Молва о томъ распространилось по всей Мидіи и къ нему приходили за правдою изъ другихъ отдаленныхъ общинъ. Заваленный дѣлами, Дейокъ объявилъ разъ своимъ многочисленнымъ кліентамъ, что не желаетъ болѣе заниматься чужими дѣлами, пренебрегая своими собственными, такъ какъ у него для послѣднихъ не остается времени. Тогда Мидяне, обдумовъ хорошенько, предложили Дейоку быть ихъ царемъ, на что тотъ, поломавшись немного для виду, и согласился. Разказъ нашего лѣтописца о призваніи варяжскихъ кня-

зей дышетъ такою правдивою наивностію и такъ соотвѣтствуетъ дальнѣйшему развитію русскаго народа, что нельзя ему не повѣрить. Чего же ищутъ новгородцы у своихъ заморскихъ сосѣдей? *Правды*, т. е. правосудія. Земля наша велика и обильна, говорятъ они варягамъ, но порядка въ ней нѣтъ. Но неужели у самихъ новгородцевъ не было людей правды, которые могли бы оказывать правосудіе? Были конечно, но разумные новгородцы искали непремѣнно судей чужихъ потому, что для нихъ всѣ они были равны; а относительно своихъ боялись пословицы, „что свой своему поневолѣ другъ.“ Такъ новгородцы, какъ и древніе Мидяне, отреклись отъ неограниченной свободы и призвали себѣ властителей ради правосудія; оно-то и должно служить основою человѣческихъ обществъ, а не безграничная свобода, не совмѣстная съ ними.

Что касается до *равенства*, то это понятіе и въ дѣйствительной жизни почти неосуществимое. Въ самой природѣ равенства не существуетъ: такъ велико разнообразіе предметовъ даже одного вида и рода, что очень трудно найти два предмета, которые были бы совершено равны одинъ съ другимъ. Люди представляютъ еще болѣе разнообразія въ проявленіяхъ силы какъ физической, такъ и нравственной; разнообразны не только внѣшнія черты, но и способности, характеры такъ, что найти двѣ личности совершено схожія почти невозможно. Какъ въ природѣ физической всякое растеніе тянется кверху, такъ въ мірѣ нравственномъ каждая личность старается отличиться отъ другой, соревнуетъ ей, ищетъ ее опередить; хотя были случаи въ исторіи, когда внѣшнее равенство между людьми устанавливалось законами, но оно такъ и оставалось на бумагѣ, а въ дѣйствительности каждый старается чѣмъ-нибудь отличиться отъ другихъ. Во время французской революціи уничтожены были всѣ отличительные признаки родовой аристократіи; но исполнители мнимой воли народной опутали себя трехъцвѣтными шарфами, какъ знаками своего достоинства въ отличіе себя отъ другихъ; а по возстановленіи порядка вмѣстѣ съ императоромъ Наполеономъ появилась новая аристократія небогатая предками и родовыми, заслугами но державшаяся за свои титулы, гербы и знаки отличія гораздо больше прежней природной аристократіи. И у насъ бывали случаи, что разбога-

тѣвшій простолюдинъ старается выдать себя за настоящаго барина, а сколько-нибудь дорожащая собою горничная гордится тѣмъ, если хоть лавочникъ сочтетъ ее за барышню, и съ пренебреженіемъ смотритъ на свою сестру-крестьянку, одѣтую въ обыкновенный бабій костюмъ. Захлебываясь отъ телячьяго восторга, нѣкоторые наши публицысты не нарадуются на фразу—*равенство передъ закономъ*; въ сущности же это только фраза, въ дѣйствительности допускающая столько исключеній, что перестаетъ быть правиломъ. Можетъ ли быть одинакова отвѣтственность передъ закономъ человѣка, знающаго законъ и человѣка, не знающаго его; человѣка, дѣйствующаго хладнокровно и равнодушно и человѣка увлеченнаго страстью и т. д. Если слово равенство понимать въ смыслѣ *безпристрастія*, то это прекрасно; а иначе полное равенство между людьми не мыслимо и должно быть отнесено къ области воображенія.

Понятіе *братства* есть чисто христіанское и въ политическомъ смыслѣ никакого значенія имѣть не можетъ Братство—въ душѣ каждаго и принудить кого-нибудь питать братскія чувства къ другому, какихъ онъ не имѣетъ безполѣзно. Христіанское братство или истинное братство между людьми возможно только подъ вліяніемъ того чувства любви, о которомъ Христосъ Спаситель сказалъ, что по немъ, т. е. по этому чувству, узнаютъ Его учениковъ. Братство должно проявляться участіемъ къ ближнему дѣятельнымъ, а не наружнымъ только. Плохое братство было, когда во время французской революціи герцогъ Орлеанскій, Филиппъ-Равенство ходилъ обнявшись съ санкюлотомъ; то была только смѣшная комедія. Такимъ оброзомъ, этими тремя словами—свобода, равенство и братство выражаются понятія не новыя, не политическія, а внесенныя Христомъ Спасителемъ въ жизнь человѣка для его пользы и спасенія: свобода—не своеволіе и не самоуправство, а свобода духовная въ сердцѣ человѣка, которую отнять не можетъ никакое насиліе,—свобода итти прямо къ свѣту, да явятся дѣла нами, содѣланныя въ Богѣ, равенство передъ Богомъ въ томъ смыслѣ, что каждому, не смотря на то, къ какому бы онъ званію и состоянію ни принадлежалъ, доступны милость и благодать Божія; братство во Христѣ,

о которомъ Спаситель сказалъ: вы же братіе есте, т. е. родство духовное, составляющее изъ лицъ всѣхъ сословій одну семью, проникнутую чувствомъ Божественной любви.

Резюмируя то, что мы сказали выше, видимъ, что соціализмъ, не довольствуясь существующимъ строемъ общества, ищетъ изъ него выхода, который указываетъ ему *коммунизмъ* въ раздѣлѣ состояній и имуществъ; теперь скажемъ о третьемъ словѣ изъ поставленныхъ нами въ заглавіи—о нигилизмѣ. Корень этого слово—латинское слово nihil, которое означаетъ *ничто*; нигилизмъ—это отрицанее всего, что выработало въ себѣ человѣчество тысячелѣтнимъ опытомъ; открытая, разрушительная война противъ самого общества и не съ тѣмъ, чтобы разрушенное замѣнить чѣмъ-нибудь новымъ, а прямо съ демоническою цѣлью разрушенія для разрушенія. Нигилизма нельзя даже назвать ученіемъ, потому что къ нигилизму способенъ каждый ничего не понимающій, но имѣющій крѣпкія руки для дѣла разрушенія; а оно очень легко: дерево, прожившее столѣтіе спиливается пилою въ нѣсколько часовъ; монументально воздвигнутое зданіе гибнетъ въ нѣсколько минутъ отъ пуда динамита, подложеннаго звѣрскими руками; человѣкъ проживъ до цвѣтущихъ лѣтъ своего возраста, падаетъ въ одну минуту жертвою пули, не превышающей величиною большую муху. Если можно находить смягчающее обстоятельство соціализму и коммунизму въ въ той крайней, горькой нуждѣ, которая иногда пригоняетъ къ нимъ и людей, заслуживавшихъ бы лучшей участи, то нигилизму нельзя дать никакого снисхожденія. Происхожденіе его объясняется очень просто, а именно дурными сторонами человѣческой природы. Если подъ вліяніемъ умилительнаго чувства любви христіанской человѣкъ является человѣку орудіемъ Божественнаго Промысла въ здѣшнемъ мірѣ (homo homini Deus), то человѣкъ, преданный необузданнымъ инстинктамъ своей физической природы, дѣлается для подобныхъ себѣ ожесточеннымъ звѣремъ (homo homini lupus да еще furiosus). Человѣкъ, оставленный божественною благодатью, хуже звѣря: тотъ растерзаетъ просто, но не будетъ мучить всю жизнь гнустною клеветою изъ--за угла неумолимымъ преслѣдованіемъ до гробовой доски. Прежде, когда войны были почти постоянными, тина, отребье населенія,

находила удовлетвореніе своимъ кровожаднымъ инстинктамъ въ самомъ разгулѣ военномъ и въ многочисленныхъ разбойничьихъ шайкахъ, всегда являющихся во время войны; теперь же, когда войны стали рѣдки, эти пагубныя силы обратились противъ самого, общества, грозя ему разрушеніемъ. Главное ядро нигилистовъ составляютъ недоучки, люди, получившіе самое поверхностное образованіе и не имѣвшіе ни уменья и терпѣнія кончить его; тѣмъ не менѣе они высоко думаютъ о своихъ мнимыхъ достоинствахъ и способностяхъ и, переполненные завистью къ тѣмъ, которые опередили ихъ на пути житейскомъ, они въ безсильной злобѣ готовы уничтожить все и всѣхъ. Такое пагубное ученіе естъ признакъ дряхлости человѣчества, потому что нигилизмъ невозможенъ безъ полнаго отреченія отъ всякаго человѣческаго достоинства, отъ всего, что есть доброго и прекраснаго въ дѣятельности человѣка. Общество должно оградить себя отъ нигилистовъ и предупредительными мѣрами и карательными. Предупредитетельныя мѣры дожны заключаться въ томъ, чтобы государство и общество не относились безучастно и съ холоднымъ эгоизмомъ, чтобы призрѣніе ихъ не оставляло никого изъ труждащихся и обремененныхъ въ здѣшнемъ мірѣ. Тѣсно стало людямъ жить въ Европѣ, но сколько еще необъятныхъ плодородныхъ пространствъ ждутъ только рукъ человѣка. Всѣ истинно просвѣщенныя правительства заботятся теперь о распространеніи своихъ поселеній въ другихъ частяхъ свѣта; необходимо организовать переселеніе излишняго народонаселенія въ размѣрѣ, который не оставлялъ бы никого безъ средствъ къ жизни. То государство вполнѣ оградитъ себя отъ потрясеній коммунизма и нигилизма, въ которомъ каждый поданный его найдетъ себѣ помощь и обезпеченный кусокъ хлѣба. Никакія государственныя средства не будутъ для этого достаточны, если само общество не проникнется убѣжденіемъ о необходимости не предаваться безполѣзной роскоши, а удѣлять часть своихъ излишковъ на помощь ближнему. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что человѣчеству становится годъ отъ году труднѣе жизнь, что думать о какомъ нибудь прогрессѣ при возрастающей массѣ голодающихъ немыслимо, что равнодушіе, безучастное отношеніе общества, къ нуждающимся его членамъ, бросаетъ ихъ въ ряды коммунистовъ и нигилистовъ;

что, заботясь о неимущихъ, въ сущности оно будетъ заботиться о себѣ, объ обезпеченіи своего будущаго; такъ какъ ему постоянно угражаетъ и при его эгоизмѣ будетъ все настойчивѣе угражать нашествіе неимущихъ класовъ населенія,—нашествіе, которое для теперешней цивилизаціи едва ли не будетъ опаснѣе нашествія германскихъ племенъ на цивилизацію Римской имперіи. Наука, искусство, роскошь и камфортъ жизни,—все исчезнетъ безслѣдно при водвареніи массъ, требующихъ только куска хлѣба, и эта вопіющая забота заглушитъ всякое другое возвышенное стремленіе, и человѣчество умретъ для умственнаго и нравственнаго развитія ранѣе, чѣмъ по условію природы невозможно будетъ его существованіе на нашей планетѣ. Тѣло останется, а духъ исчезнетъ потому что при единственной заботѣ о насущномъ хлѣбѣ невозможна будетъ дѣятельность мысли. Обществу слѣдуетъ серьезно подумать объ этомъ и не предаваться болѣе безумной и безсмысленной роскоши, которая оскорбительна въ виду тѣхъ бѣдствій человѣчества, которыя становятся съ каждымъ годомъ чувствительнѣе вслѣдствіе увеличенія населенія несоразмѣрно съ увеличеніемъ средствъ къ жизни. Когда недостатокъ работы и безпомощная нужда выступили на первый планъ, то люди охладѣли къ тому, чѣмъ прежде такъ дорожили, т. е. къ политическимъ правамъ, и за кусокъ хлѣба готовы продать ихъ первому покупателю-честолюбцу, какъ Исавъ продалъ свое старшинство за блюдо чечевицы. Прежде было предъубѣжденіе, будто республиканское правленіе наиболѣе обезпечиваетъ человѣка въ жизни; но примѣръ соединенныхъ штатовъ Сѣвѣрной Америки доказалъ неосновательность этого мнѣнія, и милліоный пролетаріатъ этого, когда-то идеальнаго сударства, только ждетъ своего Цезаря или Октавія, чтобы продать себя за кусокъ хлѣба. Извѣстно что слово республика латинское и значило у римлянъ общественное дѣло, общественный интересъ, а не форму правленія. Цѣлью государства независимо отъ той или другой его формы должны быть именно эти его общественые интересы, эти общественыя дѣла преимущественно передъ частными интересами, частными дѣлами, и тогда только оно пріобрѣтетъ ту внутреннюю силу и могущество, которыя заключаются въ отсутствіи какихъ,

либо партій и надолго обезпечитъ свое мирное существованіе въ заботѣ о каждомъ своемъ подданномъ, какъ для него дорогомъ членѣ.

О ДВОРЯНСТВѢ ВЪ ПРОШЕДШЕМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

(по поводу столѣтія дворянской грамоты).

I.

Двадцать три года тому назадъ, въ Генварѣ 1862 года было въ Москвѣ обычное губернское дворянское собраніе и на обсужденіе его были предложены Г. Министромъ Внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ (нынѣ графомъ) пять вопросовъ, какъ-то: о земствѣ, о финансахъ и прочее. Это подало поводъ дворянству обсуждать многіе вопросы, касающіеся его самаго. Дворянство стояло еще цѣло и невредимо; врядъ ли когда собиралось болѣе блестящее собраніе, какъ тогда: многіе высокопоставленные лица оставили Петербургъ чтобы принять участіе въ дебатахъ Московскаго дворянства. Болѣе 400 дворянъ съ правомъ голоса наполняли залъ; за коллонами и на хорахъ тѣснилась многочисленная публика, жадно слушавшая пренія. Понятно, что главный вопросъ, хотя онъ и не высказывался въ прямой и рѣзкой формѣ, былъ предложенъ дворянствомъ самому себѣ: быть или небыть; сохранить ли ему ввиду освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и другихъ ожидаемыхъ реформъ—свое первонствующее положеніе или, говоря языкомъ ораторовъ того времени, *слиться съ народомъ*. Нѣкоторые благоразумные люди утверждали, что дворянство необходимо для прочности государственнаго организма, что надобно мало по малу народъ возвысить до сознанія своихъ человѣческихъ правъ и умѣнія пользоваться ими, а не втоптать самое дворянство въ грязь безъ всякой пользы для народа, что распустить дворянство въ массахъ народа, то же, что распустить жемчужину въ крѣпкой водкѣ: жемчужины нѣтъ, а крѣпкая водка отъ того ничего не выиграетъ. Я участвовалъ въ московскомъ собраніи 1862 года по Коломенскому уѣзду и написалъ рѣчь „о дворянствѣ,“ которая была читана не однократно въ собраніи, какъ за уѣзднымъ такъ и за губернскимъ столами. Основная

мысль этой рѣчи была та что, сохранить за дворянствомъ права первенствующаго сословія рѣшительно необходимо; что ему слѣдуетъ идти во главѣ всѣхъ предначертанныхъ реформъ; что съ паденіемъ дворянства, какъ самостоятельнаго сословія, не будетъ предѣловъ произвола мѣстной администраціи и вообще дастъ такое развитіе системѣ бюрократіи, что желѣзнымъ кольцомъ сожметъ оно всѣ благія предначертанія высшаго правительства и парализуетъ благодѣтельныя дѣйствія самыхъ полезныхъ реформъ. Большинство дворянства, увлекаемое ложнымъ либерализмомъ, какъ французское дворянство въ знаменитую ночь 4 Августа 1789 года отрекалось отъ исключительныхъ правъ дворянства въ пользу земства, не предчувствуя, не предвидя того, что уступаемое имъ съ такою готовностью, не принесетъ ни какой пользы земству, имѣвшему явиться на свѣтъ чуть ли не мертворожденнымъ. Моя рѣчь о дворянствѣ была представлена мною Г. Министру Внутреннихъ дѣлъ Графу Валуеву, назначана была для напечатанья въ правительственной газетѣ „Сѣверная почта,“ незадолго передъ тѣмъ основанной Г. Министромъ, была набрана, исправляемая въ корректурѣ, но явиться на свѣтъ Божій ей суждено не было. Въ продолженіи 23 лѣтъ совершились большія перемѣны: дворянство утратило наполовину, если не болѣе, свои позамельныя владѣнія и значеніе, число членовъ дворянскихъ собраній убавилось значительно, потому что потомственный дворянинъ безъ земли (да и при томъ двухъ-сотъ десятинъ) не можетъ участвовать въ дѣлахъ собранія. Кромѣ того самыя собранія утратили почти всякій смыслъ и значеніе и годъ отъ году теряютъ ихъ все болѣе. Дворянство распускается въ массахъ народа; но выиграло ли оно отъ этого и выиграетъ ли народъ отъ этого, еще рано опредѣлить съ точностью; будущее покажетъ яснѣе.

II.

Дворянство имѣетъ двоякое происхожденіе: первоначально въ него вошли остатки древнихъ княжескихъ родовъ и старинныхъ бояръ; то была родовая арестократія, собственно же дворянство произошло на основаніи помѣстнаго права пожалованіемъ князей и Царей Московскихъ. Вообще у предковъ нашихъ, въ тѣ отдаленныя времена начала сознательной исторической жизни, было

убѣжденіе, что земля не можетъ быть частнымъ достояніемъ кого либо; что право на владѣніе землею нераздѣльно съ правомъ государственнымъ, т. е. съ правами Государя на владѣніе не только почвою земли, но и всѣми живущими на ней, какъ подданными. Убѣжденіе это осталось отчасти и до сихъ поръ въ простомъ народѣ: спросите вы, проѣзжая по Малороссіи, у поселянина, хохла: „чья это земля"? Онъ вамъ отвѣтитъ лаконически: „Божья да Царева." На Сѣверо-востокѣ Россіи слово „продать землю" означаетъ у простаго народа отдать ее въ наймы, а „купить" землю значитъ нанять землю. Такъ нашъ народъ въ своей первобытной простотѣ не могъ допустить мысли, чтобы земля, мать и кормилица всего, могла быть частнымъ чьимъ либо достояніемъ; владѣніе землею для него нераздѣльно съ правомъ государя, На юго-западѣ Россіи съ подраздѣленіемъ земли на безчисленное множество удѣльныхъ владѣній образовалась могущественная земельная аристократія и каждый землевладѣлецъ не только владѣлъ почвою земли, но и всѣми живущими на ней, какъ своими подданными. Сѣверо-восточная Русь также имѣла свои удѣлы, хотя и въ меньшемъ количествѣ. Съ присоединеніемъ этихъ удѣловъ въ Москвѣ удѣльные князья перестали быть самостоятельными государями, но сохранили свои вотчины, или наслѣдственныя владѣнія. Вышедшимъ изъ Литвы князьямъ на службу Московскихъ государей, они давали города и земли во владѣніе на вотчинномъ правѣ. Царская власть не могла ужиться спокойно съ этой вотчиною аристократіею, въ которой живо еще было воспоминанье независимости и которую сильно тянуло къ сосѣдней Литвѣ, гдѣ паны были полными государями въ своихъ владѣніяхъ (они имѣли право жизни и смерти надъ своими поселянами). Царь Іоанъ IV, Грозный употребилъ все свое продолжительное царствованіе на борьбу съ этою арестократіею и сломилъ ее; но она была очень живуча, чтобы можно было сразу покончить съ нею. Для противодѣйствія ей и въ видахъ государственной пользы, вполнѣ оправдавшихся впослѣдствіи, вызвано къ жизни помѣстное сословіе. Не смотря на существованіе вотчинъ, огромнѣйшее пространство земли принадлежало непосредственно Царю: ихъ—то онъ сталъ раздавать своимъ служилымъ людямъ, но какъ жалованье, а не на вотчинномъ правѣ, не въ наслѣдственныя владѣнія а какъ жалованье

за которое эти служилые люди должны были отправлять извѣстную службу. Такимъ, образомъ образовалось сословіе помѣщиковъ, но совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ оно было впослѣдствіи. Помѣщики селили крестьянъ, переходившихъ въ то время свободно съ мѣста на мѣсто, на пожалованныхъ имъ земляхъ; но самыя земли они сохраняли только подъ условіемъ службы, и полнаго права собственности на нихъ не имѣли. Это новое сословіе, исключительно посвященное военной службѣ, вызванное къ жизни Царями и вполнѣ отъ нихъ зависѣвшее, стало лучшею опорою престола. Закрѣпленіе крестьянъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, послѣдовало именно въ интересахъ этого служилаго помѣщичьяго сословія и вмѣстѣ въ видахъ государственной пользы. Закрѣпленіе крестьянъ не было рабствомъ, то была лишь государственная повинность, наложенная на нихъ для того, чтобы помѣщики имѣли возможность сами справлять государеву службу, такъ какъ Царь платилъ жалованье въ то время не деньгами, а землею. Новое помѣстное сословіе принесло громадную пользу государству въ особенности при возстановленіи порядка послѣ смутнаго времени; оно обуздало и укротило духъ вольности и противу государственныхъ стремленій, которыя появились съ такою бурною силою въ то время, когда крестьяне еще хорошо помнили свое право мѣнять землю и владѣльца по произволу и впослѣдствіи помѣщечье сословіе вѣрно служило государямъ и, когда при вступленіи на престолъ Императрицы Анны Іоановны, придворная аристократія хотѣла ограничить власть Государыни, помѣстное дворянство первое поддержало ее права, какъ Самодержавной Государыни.

III.

Императрица Екатерина II, по справедливости названная Великою Государынею, грамотою, подписанною 25 Апрѣля 1785 года, даровала дворянству совершенно новую организацію и сдѣлало его сразу первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Этою грамотою уничтожено всякое различіе между вотчиннымъ (родовымъ) и помѣстнымъ (служивымъ) дворянствомъ, т. е. точнѣе выразиться, помѣстья обращены въ вотчины и отданы въ вѣчное и потомственное владѣніе помѣстному дворянству; при чемъ оно освобождено совершенно отъ обязательной службы и получило право

оставлять ее во всякое время безпрепятственно со стороны правительства. Этою грамотою установлено полное равенство правъ всѣхъ дворянъ безъ исключенія такъ, что князь, ведшій свое происхожденіе отъ Рюрика, и простой офицеръ, получившій дворянство вмѣстѣ съ чиномъ, пользовались совершенно одними и тѣми же преимуществами. По мыслѣ Великой Государыни дворянство не должно было быть исключительно аристократіею, или собраніемъ древнихъ и знатныхъ родовъ, а оно должно было быть истинно благороднымъ сословіемъ, въ которое открытъ доступъ каждому благородному не по происхожденію только, но по уму и чувству и, доказавшему это свое благородство полезною службою государству, за которую Государь и возводитъ его въ это высшее сословіе. Понятно вся высокая правда этой благородной мысли: дворянство не было чѣмъ-то исключительнымъ, какъ въ Англіи теперь, и во Франціи до Французской революціи, а оно открыто было для всѣхъ и каждаго, какъ высшая награда за достойно проведную жизнь. Такимъ образомъ, дворянство постоянно пополнялось новыми свѣжими силами изъ народа, который слѣдовательно, не могъ имѣть и не имѣлъ ничего враждебнаго дворянству. Главною задачею дворянства было, послѣ службы, отъ которой не смотря на вольность, дарованную Великою Монархинею дворянству, ни кто изъ него не думалъ отказываться, было владѣніе населенными имѣніями. Дворяне оставались посредниками между высшимъ правительствомъ и крестьянами, поселенными на ихъ земляхъ; дворяне являлись безплатными чиновниками для управленія крестьянами. Кромѣ того, дворянству даровано право выбирать изъ среды своей полицейскія уѣздныя власти и всѣ судебныя власти какъ уѣздныя такъ и губернскія съ участіемъ впрочемъ депутатовъ отъ другихъ сословій: городскаго и крестьянскаго, такъ какъ той же Великой Императрицѣ принадлежитъ организація свободнаго крестьянскаго сословія, которое образовано ею изъ крестьянъ, отобранныхъ у монастырей и духовныхъ лицъ. Нельзя достаточно налюбоваться справедливой и глубокой политикою Великой Государыни, которая благодѣтельствовала всѣмъ сословіямъ одинаково и неимѣла ни какихъ предпочтеній; а если дворянство заняло сразу первенствующее мѣсто въ государствѣ, то это сдѣлалось силою вещей, а главное тѣмъ, что въ дворянствѣ

сосредоточивались лучшія умственныя и нравственныя силы народа, вслѣдствіе этого, дворянство въ періодъ отъ 1785 до 1861 г. было лучшею опорою и престола, и отечества въ чемъ сознавались всѣ преемники Великой Императрицы, при возшествіи ихъ на престолъ. Такъ какъ сначала право потомственнаго дворянства давалъ первый офицерскій чинъ, то число потомственныхъ дворянъ чрезвычайно увеличивалось. Съ цѣлью ограничить число новыхъ лицъ, поступавшихъ въ сословіе потомственнаго дворянства, и сдѣлать его такимъ образомъ еще болѣе достойнымъ названія избраннаго и первенствующаго сословія, высшее правительство продолжило срокъ служенія, требовавшагося для полученія дворянства и повысило чины дававшіе его; съ этою цѣлью потомственное дворянство было предоставлено получавшимъ чины въ военной службѣ маіора, а въ гражданской коллежскаго ассесора; а затѣмъ стали давать потомственное дворянство только чины въ военной службѣ Генералъ-маіора, а въ гражданской Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. За выслугу 35 лѣтъ потомственное дворянство дается пожалованіемъ ордена Св. Владиміра четвертой степени.

IV.

Вообще надобно замѣтить, что верховная власть въ Россіи никогда не имѣла деспотическаго характера и никогда не стояла строго за одно право произвола. Цѣль верховной власти въ Россіи была и есть народное благо. Не силою водворилась она, а сознательно принята разумнымъ русскимъ народомъ, какъ лучшая форма правленія, наиболѣе обезпечившая благосостояніе и безопасность каждаго гражданина. Великострадальный русскій народъ много натерпѣлся отъ двухъ-сотъ лѣтняго гнета татарскаго, условленнаго ослабленіемъ Россіи, вслѣдствіе раздѣленія Россіи на удѣлы, отъ неурядицы боярской и отъ своеволія необузданной вольницы. Все испыталъ, все перенесъ на своихъ могучихъ плечахъ русскій народъ, и какъ къ тихому пристанищу присталъ къ самодержавной власти, воплощенію Божественной правды на землѣ, насколько она ее вынести можетъ,—власти, передъ которою всѣ равны, которая не знаетъ ни пристрастій, ни увлеченій, ни вражды. Съ другой стороны и верховная власть никогда не чуждалась народа, не отдѣляла себя отъ него какими нибудь

искусственными преградами, а старолось отыскивать себѣ въ немъ опору и подкрѣпленіе, выбирая слугъ и исполнителей своей воли во всѣхъ рядахъ народа. Въ важныхъ случаяхъ наши цари не довольствовались совѣтами думы боярской, непосредственно при нихъ находившейся, а прибѣгали къ созыву земскихъ соборовъ или къ собраніямъ депутатовъ отъ разныхъ сословій государства. Характеръ этихъ собраній былъ исключительно совѣщательный и обязательнаго для верховной власти Царей не имѣлъ ничего, хотя по большей части мнѣнія этихъ собраній были принимаемы въ уваженіе. Петръ I пересталъ созывать земскія собранія, которыя были по временамъ, а установилъ одно постоянное собраніе лучшихъ людей, достойныхъ быть совѣтниками Царя, избранныхъ изъ всѣхъ сословій и назвалъ собраніе сенатомъ; а чтобы показать все громадное значеніе этого собранія (какимъ оно должно было быть по его великой мысли) онъ его назвалъ „правительствующимъ,“ чѣмъ самымъ обозначилъ, что новое государственное учрежденіе назначено имъ не для безгласнаго исполненія его приказаній а, для совѣта Царю въ важныхъ дѣлахъ. Петръ Великій такъ высоко ставилъ значеніе сената, что когда у р. Прута былъ чуть не во власти турокъ то онъ писалъ сенату, что въ случаѣ, если бы что нибудь съ нимъ случилось, сенатъ долженъ избрать изъ своей среды „достойнѣйшаго.“ Какая разница съ королемъ Шведскимъ Карломъ XII, который изъ Бендеръ послалъ въ Шведскій сенатъ свой сапогъ, какъ горькую насмѣшку своего произвола надъ совѣщаніями сената. Замѣтимъ кстати разницу между Императоромъ Петромъ Великимъ и королемъ Французскимъ Людовикомъ XIV, представителемъ самодержавія во Франціи. Первый держалъ себя просто, разговаривалъ съ людьми самыми простыми даже пилъ чарку и крестилъ у людей военныхъ и матросовъ, самъ не отказывался ни отъ какой работы, показывалъ свои мозолистыя руки въ примѣръ другимъ. Людовикъ XIV являлся народу лишь окруженный пышностью недоступною и показывался ему какъ будто сверхъестественнымъ существомъ. И Петръ Великій и Людовикъ XIV были достойны своего народа: русскій народъ любитъ простоту, естественность, правду; французскій—блескъ, мишуру и одну наружность. Преемники Петра Великаго тоже окружали себя людьми, вызванными изъ всѣхъ

слоевъ общества; въ особенности Екатерина Великая была счастлива въ выборѣ своихъ совѣтниковъ и исполнителей ея воли, ихъ она находила преимущественно въ дворянскомъ сословіи. Она-то и понимала необходимость его въ государственномъ, организмѣ, какъ самостоятельнаго, не зависящаго по матерьяльнымъ средствамъ отъ правительства и потому свободнаго въ своихъ мнѣніяхъ; эта-то свобода и независимость мнѣній была именно нужна Императрицѣ. Она хорошо понимала, что какъ ни велика Ея власть, какъ ни мудры ею избранные совѣтники, но и она сама и эти совѣтники не всегда могутъ узнать истину, а послѣдніе иногда имѣютъ интересъ даже скрывать ее. Въ этихъ-то соображеніяхъ Великая Императрица даровала дворянству право представлять непосредственно Государю адресы съ изложеніемъ нуждъ и потребностей губерніи въ губернскомъ собраніи, при чемъ дворянство пріобрѣло право говорить не за себя только, но и за другія сословія. Эти адресы должны были восходить до Государя не черезъ руки Министра Внутреннихъ дѣлъ, но непосредственно въ Собственныя Его Императоскаго Величества руки. Этою мѣрою Императрица полагала обезпечить доступъ истины къ престолу независимо отъ желанія или не желанія министровъ. На сколько пользовалось дворянство дарованнымъ ему важнымъ правомъ, объ этомъ мы говорить теперь подробно не станемъ, но укажемъ только тутъ на всю неизмѣримую важность этого права, которое представляло Государямъ возможность контролировать дѣйствія министровъ, циркуляры которыхъ не рѣдко находились въ противорѣчіи съ законами государства. Дворянство русское, поставленное высокою милостью Монархини оправдало ея довѣріе и довѣріе ея преемниковъ. Можно смѣло сказать, что оно сослужило великую службу отечеству, въ особенности въ важную минуту отечественной войны 1812 года, который всю тягость оно вынесло на своихъ плечахъ. Къ дворянству устроенному, такимъ образомъ, Великою Императрицею, примкнули польское дворянство западныхъ губерній и нѣмецкое прибалтійскаго края; послѣднее, въ особенности своими безчисленными услугами и вѣрною службою государству пріобоѣло право считаться на равнѣ съ русскимъ дворянствомъ. Я совершенно не понимаю тѣхъ узкихъ взглядовъ на національность, какіе высказались въ послѣднее время нападками на Остзей-

ское дворянство, которому весь Прибалтійскій край обязанъ своимъ благосостояніемъ. А что благосостояніе дается не такъ-то легко, стоитъ сравнить положеніе сосѣднихъ губерній: Петербургской, Псковской и Витебской. Предки наши, своимъ здравымъ умомъ, условившіе могущество, величіе Россіи, обнаруживали полнѣйшую терпимость всѣмъ національностямъ и религіямъ; и это-то отсутствіе всякой исключительности условило быстрый ростъ русскаго владычества. Насильственное обрусѣніе окраинъ, также какъ и борьба за православіе съ другими религіями не только не достигаютъ своей мнимой цѣли упроченья государственнаго быта, но вызываютъ, хотя и скрытую, но ожесточенную ненависть, которая при первомъ удобномъ случаѣ непремѣнно высказывается. Истина восторжествуетъ рано или поздно, сама собою, безъ всякихъ искуственныхъ мѣръ. Надобно поставить русскіе порядки и свѣтскіе и духовные также честно, разумно и справедливо, какъ то слѣдуетъ и, повѣрьте, русская національность будетъ развиваться своимъ внутреннимъ богатствомъ, чужестранцы будутъ гордиться именемъ русскаго подданнаго, и русскій орелъ охватитъ своими крылами и Европу и Азію. Вопросъ національности отходитъ на второй планъ; на первомъ же планѣ теперь—возможно лучшее устройство государства, при которомъ осуществлялась бы на землѣ, сколько то возможно, правда и истина, которыя для каждой національности равно необходимы. Всѣ открытія позднѣйшихъ временъ: желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы и пр. ведутъ къ сближенію людей; нельзя не сознаться, что всѣ національности сольются со временемъ въ одно и что свѣтъ увидитъ всемірную монархію, передъ которою ничтожна древня Римская имперія.

V.

Дворянство русское исполняло съ честью назначеніе, данное ей Императрицею и на страницахъ исторіи на всегда останутся славныя имена многихъ и многихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ его рядовъ; оно развивалось все болѣе, начинало сознавать свое политическое значеніе въ возможности быть помощниками верховной власти независимыми отъ ея агентовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что верховная власть имѣетъ въ виду лишь благо своихъ подданныхъ, что она чужда интересовъ отдѣльныхъ партій и сословій; но ок-

ружающіе ее и совѣтники могутъ увлекаться блестящими идеями, но въ сущности пустыми, вредными и неудобоисполнимыми. Эти идеи, облеченныя въ законныя мѣропріятія могутъ нанести величайшій вредъ Государственному организму. Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II былъ слишкомъ хорошъ для здѣшняго міра; самъ—Ангелъ правды, доброты и милосердія видѣлъ и въ окружающихъ Его людей совершенныхъ, имѣвшихъ въ виду только благо отечества. Великодушный Государь сочувствовалъ всѣмъ теоріямъ филантропическимъ; но не все то хорошо на дѣлѣ, что бываетъ хорошо на бумагѣ и живые люди не поддаются легко отвлеченнымъ теоріямъ. Возьмемъ для примѣра изреченіе Великой Екатерины: „лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго.“ Мысль великая, трогательная, увлекательная; но разсмотримъ ее хладнокровно въ примѣненіи къ прозѣ житейской. Если наши суды стали бы примѣнять къ дѣлу вышеизложенную мысль Императрицы (наши присяжные засѣдатели частенько руководствуются ею), то оправданные десять виновныхъ, при сознаніи своей безнаказанности надѣлаютъ столько зла, что невиннымъ и жить на свѣтѣ будетъ и трудно и опасно. Вотъ именно для того, чтобы охранить верховную власть отъ возможности увлеченія благовидными, но несбыточными теоріями, необходимъ почтительный, но правдивый голосъ передоваго самостоятельнаго сословія. Вотъ это-то назначеніе и предстояло дворянству; но неблагопріятныя обстоятельства не только остановили развитіе дворянства въ этомъ смыслѣ, но и нанесли такой ударъ самому его существованію, что едва-ли оно можетъ когда нибудь отъ него оправиться. Далека отъ меня мысль представлять дворянство до 1861 года какимъ-то идеальнымъ совершенствомъ; напротивъ было много недостатковъ, какъ въ организаціи самаго дворянства, такъ равно и въ дѣятельности его предводителей, которые старались по возможности копировать безъотчетность и безнаказанность властей административныхъ. Нехорошо, слова нѣтъ. Лучше ли послѣдовавшія за ними земскія собранія, которыхъ первымъ дѣломъ было—окутаться въ мантію непогрѣшимости и изгнать изъ среды своей гласность. Въ дворянствѣ было много недостатковъ; но какъ оно было безспорно передовое и высшее сословіе; то каковы же должны были быть прочія стоявшія ниже по образованію и занятію?

Это мы видѣли на дѣлѣ во время 20-ти лѣтняго безшабашнаго разгула нашей буржуазіи въ ея финансовыхъ и нравственныхъ оргіяхъ. Къ сожалѣнію когда готовился великій и необходимый переворотъ освобожденія крестьянъ отъ власти дворянъ, то имѣлось въ виду не столько обезпечить крестьянское сословіе, сколько подарвать, обезсилить и уничтожить дворянское сословіе. Я здѣсь пишу „освобожденіе крестьянъ отъ власти дворянъ," а не освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости потому, что дѣйствительно положеніемъ 19 Февраля 1861 года крѣпостное состояніе не отмѣнено; вся разница въ томъ, что крестьяне изъ „крѣпкихъ владѣльцу," стали крѣпки землѣ и обществу своему, такъ что крестьянину оторваться отъ почвы и общины стало труднѣе, чѣмъ при крѣпостныхъ владѣльцахъ. Я зналъ примѣры, и не мало, что крестьяне послѣ обнародованія положенія 19 Февраля 1861 года приходили къ бывшимъ владѣльцамъ и валялись въ ногахъ, прося выдать отпускныя заднимъ числомъ: „а то де," говорили они, міръ насъ ни за что не выпуститъ, а будетъ постоянно высасывать изъ насъ плоть и кровь." Существовалъ законъ, по которому помѣщикъ, если у него въ имѣніи было менѣе четырехъ съ половиною десятинъ на ревизскую душу, долженъ былъ прикупить земли и высилить часть крестьянъ; этотъ мудрый законъ предупреждалъ излишнее накопленіе населенія, чего при опредѣленномъ надѣлѣ на душу предупредить было не возможно. Нельзя не по жалѣть, что при такой важной реформѣ, какъ реформа 19 Февраля 1861 года вкрались ложныя филонтропическія и соціальны идеи; дѣло шло не о строгой справедливости отношеній между сословіями, а клонилось явно въ пользу крестьянскаго сословія. Такъ, въ предварительномъ проэктѣ реформы крестьянской говорилось прямо объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ: слова опасныя и неудобоисполнимыя. Въ силахъ ли человѣка улучшить бытъ другихъ, когда онъ еще не улучшилъ свой собственный и когда существуютъ общественныя бѣдствія голодъ, пожары и тому подобное. Конечно тутъ довольно явно высказывалась, мысль, что дворяне-помѣщики должны своими потерями улучшить бытъ крестьянъ. Замѣтимъ, что большинство дворянскихъ имѣній было заложено въ сохранныя казны, и потому большая часть дворянъ помѣщиковъ не могла улучшить быта своихъ

бывшихъ крестьянъ безъ окончательнаго собственнаго разорѣнія. Вообще жаль, очень жаль, что при такомъ важномъ, можно сказать рѣшительномъ для жизни государства вопросѣ, въ основу легла не идея строгой справедливости, не обозначеніе правильныхъ отношеній между сословіями дворянскимъ и крестьянскимъ, а ложная соціальная идея облагодѣтельствованія крестьянъ на счетъ помѣщиковъ; проведенъ аграрный законъ, или о раздѣлѣ полей причемъ не могло не выйти страшной путаницы отношеній. Прошло 24 года съ роковаго дня 19 Февраля 1841 года, а экономическій кризисъ въ Россіи продолжается и мы переживаемъ теперь его печальное послѣдствіе. Громадное большинство дворянъ помѣщиковъ разорилось въ конецъ; земли ихъ перешли къ кулакамъ изъ купцовъ и мѣщанъ, которые эксплоатируютъ сельское населеніе и доводятъ его до нищеты. Разореніе помѣщиковъ не принесло ни какой пользы крестьянамъ: обогатились нѣкоторые изъ нихъ на счетъ своихъ собратій ростовщичествомъ, кабацкимъ и торговымъ дѣломъ; печальную же картину представляютъ наши села и деревни, гдѣ уже многіе крестьяне, утративъ свои надѣлы земли, отданныя за безцѣнокъ богатымъ мужикамъ, а сами скитаются отыскивая работы на сторонѣ, оставивъ свои семейства въ полуразрушенныхъ хатахъ. Грустный, поучительный примѣръ того, что теоріи отношеній между людьми самыя, заманчивыя по наружности, но несогласованныя съ историческимъ развитіемъ народа, съ его дѣйствительною жизнью, при приведеніи ихъ въ дѣйствіе не только не приносятъ никакой пользы, но и существенно вредятъ государственному организму. Набалуйте разъ простой народъ мыслью, что онъ имѣетъ право на надѣлъ земли по своему рожденію, что онъ долженъ искать своего благосостоянія не въ своемъ личномъ трудѣ и хорошемъ поведеніи, а въ попеченіи о немъ государства, какъ объ излюбленномъ его дитяткѣ, то вы едва ли не навсегда его испортите и, онъ, возрастая въ числѣ съ каждымъ годомъ, будетъ требовать для новыхъ своихъ членовъ такого же надѣла какой получилъ самъ, не принимая того въ соображеніе и даже не желая знать, что по такому его соображенію и расчету тѣсенъ для него станетъ земной шаръ. Положеніе 19 Февраля 1861 года начинается великопѣпною фразою, „земля есть неприкосновенная собственность помѣщика;“ далѣе слѣ-

дуетъ *но*, а за этимъ *но* такія сложныя условія, что въ сущности помѣщикъ терялъ половину иногда и больше свой земли за вознагражденіе, котораго недостаточно было даже для уплаты казеннаго долга. Прекрасно было бы это обстоятельство, если бы оно, по крайней мѣрѣ, послужило на пользу крестьянъ. Надѣлъ земли крестьянамъ сдѣланъ всѣмъ одинаковъ: и трудолюбивымъ, и хорошимъ хозяивамъ и лѣнтяямъ и пьяницамъ такъ, что пріобрѣтеніе земли крестьяниномъ явилось ему не какъ результатъ его трудовой дѣятельности, а какъ даръ на равнѣ съ крестьяниномъ, ни сколько того нестоющимъ. Послѣдствія были понятны: если бы правительство заблагоразсудило обезпечить бытъ крестьянина даромъ денегъ, для примѣра положимъ хоть по 300 руб. на домохозяина, то надолго ли остались бы эти деньги по ровну у всѣхъ крестьянъ и всѣ ли бы воспользовались ими одинаково для своего благосостоянія? Конечно нѣтъ; черезъ годъ у многихъ не было бы ни копѣйки, а за то у другихъ тысячи. То же самое, хотя и медленнѣе произошло и съ надѣльною землею, такъ какъ, кромѣ лѣности и дурнаго поведенія, много есть въ крестьянскомъ быту бѣдствій, которыхъ одной или нѣсколькимъ личностямъ безъ запасныхъ средствъ, перенести невозможно, какъ-то: падежъ скота и лошадей, уводъ того и другаго ворами, градъ и т. п. слѣдовательно одинаковый надѣлъ крестьнамъ также мало могъ улучшить бытъ крестьянъ, или обезпечить ихъ въ исполненіи повинностей передъ государствомъ и въ собственномъ благосостояніи, какъ и надѣлъ какою бы то ни было денежною суммою поровну. Такъ идея осталась идеею; только ввела въ заблужденіе милліоны простодушныхъ крестьянъ обманчивою надеждою на искуственную поддержку ихъ со стороны правительства. Вообще поземельный вопросъ у насъ первой важности, а именно онъ то условливаетъ теперешнее незавидное благосостояніе нашего сельскаго хозяйства. Согласно положенія 19 Февраля 1861 года крестьяне получили на каждую ревизскую душу извѣстный надѣлъ для обезпеченья ихъ быта и правильнаго отправленія повинностей, возлагаемыхъ на нихъ государствомъ (таковы, или почти таковы, слова положенія 19 Февраля 1861 г.). Послѣдняя ревизія была произведена въ 1856 г. слѣдовательно, 29 лѣтъ тому назадъ, а такъ какъ у насъ народонаселеніе растетъ приб-

лизительно отъ одного до двухъ процентовъ въ годъ то теперь уже есть около 10 милліоновъ душъ, которые надѣлы не получали и такимъ образомъ, какъ бы не получили того обезпеченья своего быта, какой обѣщанъ въ положеніи. Умираетъ вообще меньше, чѣмъ родится, а потому теперь есть примѣры, что на одномъ душевомъ надѣлѣ живутъ уже три и четыре взрослыхъ лицъ мужескаго пола не считая лицъ женскаго пола. Если бы правительство пожелало быть послѣдовательнымъ, признавъ разъ право крестьянина на надѣлъ землею, то ему слѣдуетъ отводить новые надѣлы юнымъ крестьянамъ, родившимся и выросшимъ послѣ ревизіи 1856 г., но отъ куда же взять земли? Крестьяне сами дѣйствуютъ съ неумолимою логикой и простираютъ свои желанія прямо на остальную помѣщичью землю. Взглядъ ихъ, если хотите— съ ихъ точки зрѣнія, правильный; они обрисовывали свои отношенія къ владѣльцамъ дворянамъ лаконическими, но полными глубокаго смысла словами: „мы ваши а земля наша.“ Этимъ они выражаютъ то, что дворяне помѣщики владѣли ими на государственномъ правѣ, т. е. владѣли землею по тому, что она населена принадлежащими имъ крестьянами. Отнято это право владѣнія и дворянинъ помѣщикъ по мнѣнію крестьянъ, уже на землю права не имѣетъ. Крестьяне говорили, вскорѣ объявленія воли, „что дворянъ помѣщиковъ посадятъ на жалованье“ Главная цѣль надѣла крестьянъ землею была избѣжать навсегда поземельнаго пролетарьята, т. е. многочисленнаго класса людей, лишенныхъ поземельной собственности и потому безпокойнаго неимѣющаго осѣдлости. На время, только самое непродолжительное, это дѣйствительно устранено положеніемъ 19 Февраля 1861 г., но естественное умноженіе населенія требовало новаго надѣла землею крестьянъ, появившихся на свѣтъ послѣ ревизіи 1856 года. Составлявшіе, положеніе 1861 г., предвидѣли это затрудненіе и обѣщали что-то такое, неясно высказанное, черезъ девять лѣтъ и затѣмъ черезъ 20 лѣтъ Крестьяне поняли въ осоенности послѣдній срокъ за новый передѣлъ земли, ждали таковаго и, можетъ быть, дѣло не ограничилось бы одними разговорами, если бы не страшное злодѣйство 1 Марта 1881 г., которое на время заставило забыть все другое. Но крестьяне во многихъ мѣстностяхъ прямо вы сказывали надежду на увеличеніе ихъ надѣловъ, согласно прироста населенія. Да и дѣйстви-

тельно одно изъ двухъ: или принципъ надѣла каждой крестьянской души, согласно положенія 1861 г. оказывается не состоятельнымъ или необходимо, откуда-бы то ни было, надѣлы отвести крестьянамъ, родившимся и возмужавшимъ послѣ ревизіи 1856 г. Прекрасно сдѣлано было то, что всѣ волостные старшины были вызваны въ Москву къ 15 Марта 1883 года ко дню коронаціи Государя Императора Александра III и Самъ Государь повелѣлъ имъ объявить крестьянамъ, что каждый останется при своемъ и новыхъ надѣловъ не будетъ. Нельзя сказать, чтобы крестьяне вполнѣ отказались отъ притязаній на увеличеніе земельныхъ надѣловъ на счетъ остальной земли помѣщичьей или государственной. Учрежденіе поземельнаго крестьянскаго банка и многочисленныхъ его отдѣленій истолковано крестьянами, какъ желаніе правительства отдать имъ всю землю помѣщичью. Къ одному помѣщику Подольской губерніи пришли крестьяне и спрашиваютъ его: „по чемъ онъ возьметъ за десятину земли“ такъ какъ они желаютъ купить ее у него. Помѣщикъ отвѣчаетъ, „что онъ земли продовать не намѣренъ.“ Тогда крестьяне возразили ему на это, что онъ долженъ продать, потому что такова Царская воля, чтобы землею владѣли крестьяне. Подобныхъ примѣровъ было много; не слѣдовало банкъ называть крестьянскимъ, а надобно было наименовать его лучше банкомъ „мелкихъ землевладѣльцевъ“ и установить, чтобы этотъ банкъ, облегчалъ пріобрѣтеніе небольшихъ земельныхъ участковъ вообще небогатымъ людямъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, т. е. къ крестьянамъ, и мѣщанамъ, и отставнымъ солдатамъ и такимъ же чиновникамъ и даже разорившимся дворянамъ помѣщикамъ, чтобы они могли на старость лѣтъ найти пріютъ хоть на какомъ нибудь клачкѣ земли. Едва ли въ видахъ правительства сдѣлать землевладѣніе исключительно крестьянскимъ, и такимъ образомъ дать еще новую, самую важную привелегію крестьянскому сословію и безъ того богатому привелегіями. Правда, что этими привилегіями крестьянское сословіе почти не пользуется по своей природной грубости и неразвитости, но онѣ велики и важны и нѣкоторыхъ изъ нихъ не имѣютъ другія сословія, когда—то считавшіяся привилигированными, не имѣетъ и самое дворянство. Крестьяне не только выбираютъ всѣхъ должностныхъ лицъ своего сословія сами, судятся

своимъ судомъ изъ себѣ равныхъ; участвуютъ въ выборахъ по земству вдвойнѣ, а именно какъ члены общины, и поличному землевладѣнію; освобождены отъ взноса гербовыхъ пошлинъ по своимъ крестьянскимъ дѣламъ и т. п. Хотя въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II всегда благосклонно и милостиво относился къ дворянству и даже въ послѣдніе годы своего царствованія выразилъ къ нему свое довѣріе тѣмъ, что предоставилъ предводителямъ дворянства надзоръ за народнымъ образованіемъ; но не смотря на это дворянство понесло самую горькую участь. Еще за нѣсколько лѣтъ до манифеста 19 Февраля 1861 г., дворянство сдѣлалось цѣлью самыхъ оскорбительныхъ нападокъ со стороны газетныхъ и журнальныхъ шарлатановъ, выдающихъ себя за представителей общественнаго мнѣнія. То было время смѣшнаго либерализма: на одномъ большомъ публичномъ обѣдѣ одинъ бывшій откупщикъ заставилъ одного генерала снять съ себя знакъ отличія, какъ неумѣстный тамъ, гдѣ должны господствовать равенство и братство, между тѣмъ какъ самъ изъ кожи лѣзъ, чтобы получить какой нибудь крестикъ. Ставить въ вину дворянству владѣніе населенными имѣніями было въ высшей степени неосновательно, потому что дворянство не самоволіемъ, не насиліемъ или хищеніемъ захватило въ свои руки владѣніе крестьянами, а получило его отъ правительства. Но такъ слѣдовало въ видахъ нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людей осмѣять, обезсилить и разорить дворянство, чтобы тѣмъ легче осуществить свои преступные замыслы. Оскорбительно, больно было дворянству переносить это за свои долголѣтнія заслуги отечеству; но все бы это еще ничего, если бы не грозные матерьяльные удары его благосостоянію, послѣдовавшіе одинъ за другимъ. Хотя номинально (по названію) владѣніе всею землею осталась за помѣщикомъ, но половина земли, а мѣстами и болѣе перешла въ полную собственность крестьянъ, которые сами сдѣлались помѣщиками. Правда, что по положенію они обязаны были или работать, или платить за свою землю помѣщику; но какая то была работа и каковъ платежъ! Дѣло понятно, когда крестьяне и въ случаѣ отказа въ работѣ и платежѣ не теряли земли, полученной ими навсегда. Дѣло вышло такъ, что на сторонѣ крестьянъ оказались и земли и своя даровая работа, а на сторонѣ помѣщиковъ—нѣкоторое коли-

чество земли, но ни работниковъ, ни орудій, ни денегъ, да еще громадное большинство имѣній было заложено въ сохранныя казны.

Не смотря на то многіе помѣщики попробавали было вести хозяйство вольнонаемнымъ трудомъ, но первое время, когда крестьяне, были надѣлены достаточнымъ количествомъ земли, трудно было найти работниковъ за сколько-нибудь выгодную цѣну, и потому эти опыты хозяйства не удались, увеличили только массу долговъ помѣщика и заставили такимъ образомъ многихъ ликвидировать свои дѣла продажею имѣній за дешевую цѣну. Впослѣдствіи это все передѣлалось: съ увеличеніемъ населенія оказалось не мало рабочихъ рукъ, неполучившихъ надѣла и потому готовыхъ работать для другихъ. Притомъ самыя крестьянскія общества при видимомъ недостаткѣ земли стали арендовать у помѣщиковъ ихъ земли по цѣнѣ порядочной и съ каждымъ годомъ возраставшей, а другія общества—наниматься у помѣщика за деньги на воздѣлываніе его земли, по чемъ пришлося съ десятины. Самымъ труднымъ временемъ для поземельнаго дворянства были первыя 10—12 лѣтъ послѣ воли, до устройства поземельныхъ банковъ. Полное отсутствіе кредита было причиной разоренія многихъ помѣщиковъ. Выкупныя бумаги, которыя выдавались помѣщику за надѣлы крестьянъ, сверхъ погашенія долга кредитнымъ установленіемъ, продавались съ уступкой 30 % и даже 40% При томъ и вновь устроившіеся тогда поземельные банки представляли мало отраднаго для помѣщиковъ, выдавая подъ залогъ земель, при томъ по весьма низкой оцѣнкѣ, не наличныя деньги, а облигаціи, которыя продавались на биржѣ съ большой уступкой, доходившею сначала даже 20% и 25% со ста. Такъ выгодно разсчиталось большинство дворянъ помѣщиковъ съ своею землею! И, ликвидировавъ свои дѣла, т. е. расплатившись съ долгами, многіе оставили свои имѣнія ни съ чѣмъ и должны были искать другихъ средствъ къ жизни. Можно смѣло сказать, что большинство поземельнаго дворянства разорилось, но нѣкоторые уцѣлѣли; таковы были всѣ, богатые и знатные помѣщики, которые жили дохадами не съ однихъ имѣній только, а получали оклады жалованья, проценты съ государственныхъ бумагъ, участвовали въ разныхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ и т. п. Видимо также Господь Богъ помогъ тѣмъ изъ дворянъ —

помѣщиковъ, которые приняли на себя обязанности сначала мировыхъ посредниковъ, а потомъ мировыхъ судей, а также и земскимъ дѣятелямъ, которые съумели, завѣдуя общественными дѣлами, не забыть и свои собственныя. Вообще пострадали больше тѣ дворяне-помѣщики, которые жили, что называется, на-роспашку и у которыхъ крестьянамъ жилось не дурно и до обнародованія воли, а помѣщики-кулаки, которые считали и соломинку и брали штрафы за каждую курецу, залетѣвшую на ихъ дворъ, а крестьянъ чуть не закрѣпостили вновь, связавъ ихъ выданными впередъ нѣсколькими стами рублей обществу на уплату повинностей за почтенные проценты, за которые крестьяне должны работать помѣщику,—сохранили свои земли. Не хорошо только то, что подобныя дѣйствія землевладѣльцевъ вызываютъ глухую вражду въ крестьянахъ, которые относятся къ нимъ съ глухимъ раздраженіемъ. Жаль, очень жаль то, что потери дворянъ-землевладѣльцевъ не принесли никакой пользы самимъ крестьянамъ, такъ что долгъ помѣщика сохраннымъ казнамъ на 27—35 лѣтъ для крестьянина сталъ уже долгомъ на 48 лѣтъ. И какъ это случилось, мы признаемся не понимаемъ; а вышло только то что обѣимъ сторанамъ не легче. Припомнимъ только здѣсь, что для дворянства закавказскихъ губерній вознагражденіе за крестьянъ произведено деньгами. Въ тоже время, когда дворянству невозможенъ былъ кредитъ подъ землю, купечеству открытъ почти безграничный кредитъ подъ векселя устройствомъ общественныхъ банковъ на самыхъ широкихъ началахъ. Какъ бы то ни было, но въ теченіи 24 лѣтъ, прошедшихъ со времени манифеста 19 Февраля 1861 года, дворянство потеряло очень много и даже утратило характеръ сословія. Безземельный дворянинъ, не имѣющій 200 десятинъ земли, не участвуетъ въ дѣлахъ своего сословія, не выбираетъ и не можетъ быть избираемъ, вообще становится лицемъ, не принадлежащимъ ни къ какому сословію. Впрочемъ у дворянства остались двѣ привиллегіи: приговоръ суда о потомственномъ дворянинѣ требуетъ **Высочайшаго** утвержденія. Дворянинъ не можетъ усыновить своихъ дѣтей, рожденныхъ до брака съ его же впослѣдствіи законною женою, безъ собственнаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія. Съ дворянина взыскивается гораздо строже, чѣмъ съ

другихъ по уголовнымъ законамъ и, между тѣмъ какъ лица другихъ сословій за простую кражу только свыше 300 рублей лишаются лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, дворянинъ теряетъ ихъ (какъ мы выше видѣли, потеря эта не слишкомъ велика) и ссылается въ Сибирь на поселеніе. за самую не значительную кражу. Когда было разсужденіе въ Московскомъ дворянскомъ собраніи 1862 г. о значеніи дворянства, въ будущемъ тогда земствѣ, то нѣкоторые предлагали весьма хорошую мѣру: такъ какъ съ положеніемъ 19 Февраля 1861 г. право поземельной собственности, дотолѣ бывшее исключительно дворянскимъ стало принадлежностію всѣхъ сословій, то установить, что лицо владѣющее 500 десятинами удобной земли, окончившее курсъ въ университетѣ или другомъ, соотвѣтствующемъ ему, высшемъ учебномъ заведеніи, получаетъ права дворянства нераздѣльныя съ правомъ земельнаго владѣнія. Сначала предполагалось дворянство поставить въ главѣ земства, но потомъ при составленіи земскаго положенія дворянство не только не стало краеугольнымъ камнемъ новаго зданія, но и допущено въ него съ какою-то непонятною осторожностію. Вообще представительство въ земскомъ положеніи организовано искусственно, по какому-то рецепту: влей дворянства вотъ столько-то, прибавь двѣ порціи сельскаго населенія и припусти немного духовенства и городскаго сословія такъ, что для земства каждой губерніи заранѣе назначено число по уѣздамъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, отъ духовенства, отъ городскихъ сословіи—купцовъ и мѣщанъ и отъ крестьянъ, число представителей которыхъ, должно быть равно числу гласныхъ отъ всѣхъ остальныхъ трехъ сословій. Собственно о дворянствѣ и не упоминается въ земскомъ положеніи; оно для него какъ бы и не существуетъ, потому что въ числѣ землевладѣльцевъ участвуютъ и крестьяне, пріобрѣтшіе землю на правѣ личнаго владѣнія; такимъ образомъ, какъ мы упомянули о томъ выше, крестьяне участвуютъ въ земствѣ въ двойнѣ: и какъ особое сословіе и наравнѣ съ другими землевладѣльцами. Такое преобладаніе крестьянскаго сословія въ земствѣ заранѣе парализовало его полезную дѣятельность. Естественность, прямоты, справедливость есть лучшая основа всякаго рода учрежденій; слѣдовало прямо, безъ всякихъ заднихъ мыслей постановить, отъ какого количества земли долженъ быть выбираемъ гласный и у

какого сословія больше во владѣніи земли, то и преобладало бы въ собраніи: гдѣ больше дворянъ—землевладѣльцевъ, тамъ преобладалъ бы дворянскій элементъ, а гдѣ больше крестьянъ, владѣющихъ землею, тамъ—крестьянскій, и тогда можно было бы правильно судить о дѣятельности каждаго земства. Но какъ бы то ни было, а послѣ положенія 19 Февраля 1861 года дворянство упало въ значеніи, какъ особое сословіе и въ земствѣ устранено отъ главной роли, а преобладаніе дано крестьянамъ, причемъ не требуется даже, чтобы гласный изъ крестьянъ окончивалъ хоть курсъ народной школы. Послѣдствія понятны: не только крестьянину гласному не доступно истинное значеніе принятой имъ на себя обязанности, но онъ считаетъ ее просто повинностію, непосильною тяжестью, которую переноситъ съ терпѣніемъ. Страдательною ролью крестьянскаго элемента въ земствѣ, въ немъ господствующаго, пользовались предпріимчивые люди другихъ сословій для разныхъ цѣлей, только рѣдко въ пользу самого земства. Происхожденіе слова *земство* теряется въ отдаленной древности; обрисовывается же оно всего яснѣе при Іоаннѣ Грозномъ, который отдѣлилъ понятіе земскаго отъ понятія Государственнаго. Всѣ дѣла Государственныя вѣдалъ Самъ лично, а земскія передалъ боярамъ; но до послѣдняго времени земство не представляло отдѣльной организаціи, но существовали земскій исправникъ, земскій судъ, земскія повинности и даже особый комитетъ земскихъ повинностей въ каждой губерніи. Употребленіе суммъ государственнаго сбора зависѣло непосредственно отъ господина министра финансовъ и шло на утвержденіе Верховной власти; земскія же сборы хотя и поступали въ министерство финансовъ, но расходъ ихъ контролировался сословіями. Въ каждой губерніи изъ дворянства отдѣльнаго уѣзда выбирается особый депутатъ и всѣ эти депутаты за три мѣсяца до губернскаго съѣзда дворянства собирались въ депутатскія собранія и тамъ съ присоединеніемъ депутатовъ отъ городскаго сословія провѣряли отчеты, представленные имъ отъ начальника губерніи, объ употребленіи земскихъ суммъ. Конечно въ большинствѣ случаевъ повѣрка эта производилась только для виду, но мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ только для того, чтобы показать, что наше правительство никогда не чуждалось контроля сословіями суммъ, съ нихъ собираемыхъ.

Мы далеки отъ мысли представить поземельное дворянство до 19 февраля 1861 г. чѣмъ-то совершеннымъ и не представлявшимъ ничего слабаго; мы старались изобразить здѣсь одну дѣйствительность безо всякаго преувеличенія, или пристрастія. Напротивъ, дѣятельность дворянства и выбранныхъ имъ лицъ отличалась съ одной стороны чисто славянскою апатіею, полнѣйшимъ равнодушіемъ къ дѣламъ сословнымъ и общественнымъ и стремленіемъ пожить весело, съ другой—духомъ партій, которыя вели ожесточенную борьбу между собою, имѣли въ виду не торжество справедливости, а только свои частные интересы. Какъ ни важна была по значенію должность уѣзднаго судьи, но такъ какъ она соединена была съ весьма малымъ окладомъ жалованья, то мало было охотниковъ на нее, да и кто изъ дворянъ занималъ эту должность, то самъ почти ничего не дѣлалъ а возлагалъ почти все на секретаря, значеніе котораго для просителей было несравненно важнѣе, чѣмъ значеніе судьи, нерѣдко спрашивавшаго только, гдѣ подписать ему свою фамилію. Губернскіе предводители дворянства постоянно находились въ контрѣ съ губернаторами, но не изъ—за какихъ—нибудь столкновеній по дѣламъ, а изъ пустаго тщеславія: кто—де старшіе въ губерніи, представитель ли передоваго сословія, или главное лицо административной власти въ губерніи. Дворянскія суммы расходовались небрежно и повѣрка расходованія была самая поверхностная. Если кто изъ депутатовъ дворянства предъявлялъ стремленіе ознакомиться съ положеніемъ дворянскихъ финансовъ подробнѣе и основательнѣе, то навлекалъ на себя неудовольствіе губернскаго предводителя и его товарищей, уѣздныхъ предводителей. Въ этомъ видѣли не честное желаніе внести порядокъ въ страшный хаосъ, какимъ вообще отличались дворянскія дѣла, а стремленіе сдѣлать непріятность или нанести оскорбленіе предвадителямъ дворянства, хотя они и виновны были однако безпечностію и безграничнымъ довѣріемъ къ секретарямъ дворянства, которые при самомъ ограниченномъ жалованье нерѣдко наживали каменные дома. Въ незавидномъ положеніи находились также и дворянскія опеки; и забота о бѣдныхъ сиротахъ и ихъ имуществѣ производилось такъ безпечно со стороны предводителей дворянства и такъ недобросовѣстно со стороны протоколистовъ опе-

ки, пользовавшихся довѣріемъ предсѣдателей и членовъ, что слово опека принято въ смыслѣ *разоренія* такъ, что сказать *имѣніе было въ опекѣ* значило тоже, что сказать, имѣніе было разорено. Вообще выборныя лица дворянства относились къ своимъ обязанностямъ не такъ, какъ слѣдуетъ; но и въ другихъ сословіяхъ, въ ихъ магистратахъ и сиротскихъ судахъ дѣло шло еще хуже: тамъ ужъ члены судовъ возложили все на секретарей, а сами только подписывали бумаги. Въ историческомъ развитіи дворянства весьма важна мѣра, осуществленная при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, въ началѣ его царствованія; это—ограниченіе права непосредственнаго представительства въ губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ объясняется необходимостію имѣть 100 душъ, поселенныхъ въ своемъ имѣніи. Ранѣе этой мѣры честолюбцы изъ дворянъ, или искатели выгодныхъ должностей, зависѣвшихъ отъ ихъ выбыровъ привозили въ губерскій городъ цѣлые воза мелкопомѣстныхъ или, какъ тогда называли, *малодушныхъ* дворянъ, шили имъ мундиры, поили, кормили за право голоса и, достигнувъ цѣли, развозили ихъ по мѣстамъ впредь до новыхъ выборовъ. Ограниченіе права выборовъ мелкопомѣстныхъ дворянъ принесло большую пользу дворянству: оно его поочистело; меньше стало членовъ дворянскихъ собраній, но зато оставшіеся были люди самостоятельные. Съ этого-то времени дворянство болѣе и болѣе стало приходить къ сознанію своего значенія и пользы, какую оно могло приносить обществу и государству. Въ рядахъ его стали появляться люди съ университетскимъ образованіемъ, которые хотѣли дать дѣятельности дворянства болѣе разумное, сознательное направленіе. Но и въ это время, когда всѣ представители дворянства получили хоть кой-какое образованіе; это образованіе было или забыто или настолько неполно, что когда въ одномъ губернскомъ дворянскомъ собраніи въ началѣ 1863 г. одинъ изъ дворянъ, говоря какую-то рѣчь, упоминалъ не разъ о земскомъ соборѣ древней Руси, то многіе не шутя думали, что рѣчь идетъ о построеніи земскаго собора, т. е. собора на средства земства. Не смотря на всѣ эти несовершенства, дворянство безспорно приносило большую пользу государству: оно несло на себѣ государственную службу, будучи посредникомъ между правительствомъ и крестьянами, поселен-

ными на его земляхъ. Теперь содержаніе всѣхъ учрежденій и лицъ, завѣдующихъ крестьянами, а также и земскихъ учрежденій (главныя обязанности которыхъ лежали на губерскихъ и уѣздныхъ собраніяхъ дворянства) стоитъ болѣе 50 милліоновъ руб. сер., въ г., которые тяжелымъ гнетомъ ложаться на тотъ же народъ. Удивительно ли послѣ того, что экономическій бытъ нашего сельскаго населенія не процвѣтаетъ? Далеки мы отъ мысли считать необходимымъ возстановленіе дворянства въ томъ видѣ, какой оно имѣло до крестьянской реформы; исторія доказала ясно, что все искусственно вызванное къ жизни или искусственно поддерживаемое непрочно и не можетъ принести хорошихъ плодовъ. Дворянство остановлено въ своемъ развитіи, потерпѣло очень много; но если и суждено ему приподняться и имѣть какое-либо новое значеніе, то это будетъ явленіе новое, уже не похожее на прежнее, и только самый ходъ жизни укажетъ его значеніе и положеніе. Въ 24 года совершилось очень много или, говоря простыми словами поговорки, утекло много воды *рѣки временъ*, которая если, измѣнивъ теченіе, и покинула дворянство на мели то въ замѣнъ вынесла широкимъ потокомъ цѣлое, можно сказать, сословіе до реформы не существовавшее. Сюда относятся судебныя власти и соприкосновенныя имъ лица по судебной реформѣ 1864 года, многочисленное чиновничество общественное и земское, не менѣе многочисленный классъ учителей и воспитателей всякаго рода, а также разбогатѣвшая спекуляціями всякаго рода наша буржуазія и т. д. Всѣ эти лица, полныя силъ и энергіи, проникнутыя сознаніемъ своей необходимости и пріобрѣтеннаго ими значенія, составили новое дворянство, отодвинувшее прежнее родовое дворянство на задній планъ. Какъ изъ этихъ двухъ сословій образуется одно, и какое оно мѣсто займетъ въ строю общественномъ—это неизвѣстно и повторяемъ, что въ этомъ случаѣ насиловать факты невозможно; надобно все предоставить времени и самодѣятельности: дворянство само покажетъ, заслуживаетъ ли оно дальнѣйшей жизни или оно мало по малу придетъ къ уничтоженію. Но необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ отстранить и тѣ стѣснительныя мѣры, которыя парализуютъ дѣятельность дворянства, въ чемъ она могла бы быть полезною для общества. Такъ, поземельное дворянство, сохранившее до сихъ поръ остат-

ки своихъ земель, не имѣетъ правильнаго и вѣрнаго кредита: при залогѣ въ земельныхъ банкахъ землевладѣлецъ теряетъ не мало на бумагахъ, какими получаетъ ссуду и платитъ большія проценты особенно по разсчету на золото, между тѣмъ какъ купечество пользуется почти неограниченнымъ кредитомъ и на наличныя деньги въ своихъ общественныхъ банкахъ и въ государственномъ банкѣ съ его отдѣленіями. Впрочемъ къ облегченію поземельнаго дворянства уже кой-что сдѣлано въ недавнее время, а именно дозволено землевладѣльцамъ кредитоваться на соло-векселя (т. е. за подписью одного заемщика), а также предполагается учредить общій поземельный банкъ для всей имперіи и проэктъ его уже находится въ разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учрежденій.

Облегченіе поземельному дворянству имѣть средства для веденія своихъ хозяйствъ принесетъ пользу и сельскому населенію, потому что доставитъ ему на мѣстѣ выгодную работу. Необходимо было бы также тѣмъ изъ дворянъ, которые утратили свои земли, облегчить возможность кредита на снисходительныхъ условіяхъ для покупки незначительнаго количества земли въ тѣхъ же крестьянскихъ банкахъ. Это покажетъ крестьянамъ, что пріобрѣтеніе земли не составляетъ исключительную привиллегію ихъ сословія и тѣмъ докажетъ имъ несбыточность ихъ надеждъ на владѣніе всею землею. Такая поддержка въ экономическомъ быту дворянства необходима уже потому, что она не будетъ какою-нибудь исключительною привиллегіею въ его пользу, а только уровняетъ его съ крестьянскимъ сословіемъ, которому оно ужъ и такъ принесло много матеріальныхъ жертвъ, согласно положенія 19 февраля 1861 г., и если эти жертвы не принесли той великой пользы, какой отъ нихъ ожидали, то дворянство въ этомъ невиновно. Быть или не быть—вотъ вопросъ относительно дворянства, т. е. другими словами—нужно ли существованіе дворянства или нѣтъ? Этотъ вопросъ окончательно рѣшитъ время: если дворянство имѣетъ само въ себѣ достаточно задатковъ для жизни, для полезной дѣятельности, то оно уцѣлѣетъ и даже можетъ быть, расцвѣтетъ новымъ, пышнымъ цвѣтомъ. Лѣтъ 30 тому назадъ дворянство было единственнымъ образованнымъ сословіемъ (кромѣ духовенства) и образованіе составляло какъ бы

его привиллегію, такъ что въ губернскія гимназіи дѣти другихъ сословій принимались, какъ исключеніе. Теперь же совсѣмъ другое дѣло. Теперь контингентъ людей образованныхъ не изъ Дворянства едва ли не мночисленные самаго дворянства. Раціональнѣе всего, по моему мнѣнію, было бы распространить право дворянства на всѣхъ, получившихъ университетское оброзованіе и владѣющихъ не менѣе 500 десятинъ земли. Главною, отличительною чертою дворянства было всегда понятіе о чести; каждый порядочный человѣкъ конечно дорожить и долженъ дорожить честью, но для дворянства оно сопряжено съ тяжкою обязанностію; явное пятно на чести дворянина влечетъ лишеніе этого достоинства, потому-то самая ничтожная кража, за которую лицо другихъ сословій отвѣтствуетъ непродолжительнымъ арестомъ, лишаетъ дворянина всѣхъ правъ его сословія. Вообще это печальное явленіе современной намъ жизни: тысячи людей, которые гласно утратили честь, лишены правъ, но остались среди того же общества, которое въ большинствѣ случаевъ, не зная о позорѣ своихъ бывшихъ членовъ, допускаетъ ихъ и такимъ образомъ даетъ имъ возможность обманывать другихъ. Теперь, когда борьба за существованіе, за матеріальныя средства вездѣ на первомъ планѣ, общество стало весьма равнодушно относиться къ понятію о чести: да и дѣйствительно, „что за честь, когда нечего ѣсть,“ справедливо говоритъ русская пословица, а весьма желательно было бы для самаго общества, чтобы оно строже держалось понятія о чести и чтобы одно богатство, какими бы то нибыло средствами добытое не служило, какъ теперь, лучшею рекомендаціею человѣка. А потому необходимо было бы понятіе о чести сдѣлать обязательнымъ не для дворянина только, но и для каждаго образованнаго человѣка. Мнѣ всегда казалось, что необходимо каждаго образованнаго человѣка возвысить до дворянства, чтобы онъ думалъ и дѣйствовалъ, какъ по понятіямъ чести слѣдовало (по убѣжденію древнихъ почтенныхъ временъ) истинному дворянину. Намъ кажется, что дворянство и земство должны быть нераздѣльны, что земскія собранія должны быть организованы на подобіе дворянскихъ, т. е. чтобы главными собраніями были губернскія собранія и чтобы они составлялись непосредственно изъ землевладѣль-

цевъ, имѣющихъ извѣстный цензъ и окончившихъ образованіе по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Крестьяне должны также посылать отъ себя депутатовъ отъ извѣстнаго количества земли, но не иначе какъ лицъ, получившихъ образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и за неимѣніемъ таковыхъ въ средѣ своей выбирать вмѣсто себя изъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ свой полный цензъ земли и цензъ образованія. При этомъ необходимо на новыя земскія собранія распространить всѣ права доживающихъ свой вѣкъ дворянскихъ собраній и тогда дворянство, обновленное новыми элементами, найдетъ въ заботѣ объ общественныхъ нуждахъ возможность полезной дѣятельности и докажетъ на дѣлѣ, можетъ ли оно сохранить руководящую роль, или должно будетъ уступить лицамъ другихъ сословій ее. Слѣдовательно, вся будущность для дворянства заключается въ соединеній съ земствомъ, но не съ искусственнымъ, о которомъ мы сказали выше, а съ прямымъ, состоящимъ изъ землевладѣльцевъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, при необходимыхъ условіяхъ образованія и чести.

Конецъ.

14) Исторія Юго Западной Руси, Москва 1848, цѣна 2 руб.

15) Лѣтописный разсказъ событій Юго-Западной Руси, или переводъ лѣтописей Нестора и Волынской, съприложеніемъ двухъ изслѣдованій: „Означеніе Русской лѣтописи и о феадамезмѣ на Руси“, цѣна 3 руб.

16) Очеркъ религіознаго движенія у Чеховъ въ началѣ VX в. или Гусъ и Гуситы, два большихъ тома, цѣна 5 руб.

17) Святогорскій монастырь, цѣна 50 коп.

18) „Путевыя замѣтки по Россіи и за границы 1870“, цѣна 2 руб.

19) Записки моего пріятеля, впечатлѣнія жизни, цѣна 1 руб.

20) Магдалина, романъ, переводъ съ французскаго, цѣна 1 р.

21) Опроверженіе лжеученій соціализма, Уфа 1880 г. ц. 50 к.

22) Повѣсть о славномъ царствованіи и плачевной кончинѣ Государя Императора Александра II, 75 коп. Нѣкоторыя, изъ поименованныхъ книгъ можно найти въ Кіевѣ у книгопродавца Н. Я. Оглоблина, на Крещатикѣ собственный домъ, многихъ же почти нѣтъ въ продажѣ, какъ-то: №№ 10, 11, 12, 7, 15, 20, 21, 22, а номера 13 и 14 составляютъ библіографическую рѣдкость. Кто бы, изъ господъ книгопродавцевъ, издателей или вообще ревнителей просвѣщенія, желалъ бы купить право на изданіе, какого либо изъ вышепоименованныхъ трудовъ или всѣ вмѣстѣ, благоволитъ обратиться къ Александру Семеновичу Клеванову, Кіевъ домъ Софійского собора; цѣна будетъ самая умѣренная вслѣдствіе слѣпоты и крайней нужды стараго труженника.

Цѣна 50 коп. съ пересылкой 65 коп.

Продается въ Кіевѣ, у книгопродавцевъ: Оглоблина на Крещатикѣ собственный домъ, Гинтера и Малецкаго также на Крещат. соб. д. и Дьякова, домъ дворянскаго собранія бывш. Ильницкаго.

2007051038